

Теофил Шерри
(Швейцария)

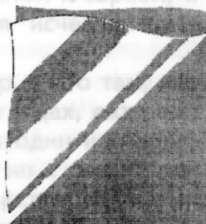
ДИНАМИКА РОЖДЕННАЯ В ТИШИНЕ

Сокращенный перевод

М.Н. Курочкиной

с издания 1976 года

Grosvenor Books, London

Моя первая встреча с Фрэнком Бухманом стала полной неожиданностью для меня хотя бы потому, что в ней не было ничего сверхъестественного. Я слышал столько потрясающего об этом человеке, что воображал себе личность совершенно ни на кого непохожую. И вот передо мной предстал человек среднего роста, в очках, с довольно острым носом и округлой головой. Из-за холерной внешности мне было легче представить его в министерстве, чем на кафедре проповедника.

В нем, казалось, не было ничего особенного. Завораживал только тот внутренний покой, который проступал сквозь все, что он говорил. У него был подлинный дар относиться к естественному, как к возможности преобразования в сверхъестественное, для него любой обычный человек становился творцом необычного в своей судьбе.

Во времена, когда обыденность вызывает отвращение, что часто толкает человека на опасные пути бегства от этой обыденности, Фрэнк Бухман открыл со всей очевидностью, что именно в глубине обычного человека скрыта возможность создания сверхъобыденного.

НАЧАЛО

ДОРОГАЯ СЕРДЦУ ПЕНСИЛЬВАНИЯ

В происхождении Фрэнка Бухмана не было каких-либо особых знаков того, что это будет человек, который потрясет мир.

Сейчас уже трудно представить, как выглядел этот маленький американский город в конце 19 века. Алентаун по-прежнему расположен в идиллическом местечке, напоминающем Швейцарию; пенсильванские немцы, заселившие эти сельские места после эмиграции из Европы, по-прежнему говорят так, как говорил Фрэнк Бухман, на диалекте, представляющем собой смешение швабского и швейцарско-немецкого.

Пенсбург тогда был поселением с одной главной улицей, там проживало около тысячи двухсот жителей. Фрэнк Бухман, будучи мальчиком, имел обыкновение пересчитывать их поименно дом за домом, когда не мог уснуть. Местные жители трудились в поте лица на полях, строго исполняя церковные предписания, и славилась своим гостеприимством. Если кто-то заходил в дом, его обязательно усаживали и приглашали разделить семейную трапезу.

От своего отца Фрэнк Бухман унаследовал общительность и чувство юмора, от матери твердые моральные устои и непоколебимую веру. Ее больша фотография висела напротив его кровати, и по ее глазам можно было сказать, как многое она понимала и как мало от нее ускользало.

Она великолепно готовила. Фрэнк всегда мог привести друзей к обеду, не предупреждая ее об этом заранее.

Фрэнк много развлекался, когда учился в старших классах. Он любил ходить на танцы, которые часто продолжались целую ночь. Зимой они с друзьями часто возвращались домой на санях под утро. Летом он много путешествовал на велосипеде по окрестностям.

Когда время пришло выбирать профессию, родители настаивали на том, чтобы Фрэнк принял духовный сан, а затем стал пастором в какой-нибудь хорошей общине. И он отправился в Мюленбергский колледж изучать теологию. Там он обнаружил обычный в теологических кругах раскол между ортодоксальными и либеральными взглядами. Один из его преподавателей так характеризовал Фрэнка: "Юноша с характером, он будет твердо отстаивать свои убеждения и в то же время не утратит юмора, доброжелательности и естественности".

У него были значительные художественные наклонности, хотя и девушка из художественного класса говорила, что "он занимался рисованием только потому, что ему нравился учитель и нравилась я". Когда он отправился на Теологический Семинар в Филадельфию, его страсть к театру возрастала вместе с увлечениями рисованием, спортивными играми, общественной активностью и теми предметами, которые он изучал.

И все же более всего его привлекала общественная деятельность. Он читал все, что попадалось под руку, касающееся благотворительной деятельности католической церкви и Внутренней миссии немецких лютеран. Он самостоятельно начал посещать тюрьмы, дома престарелых, детские приюты.

Стало очевидно, что мечта его родителей — иметь под боком своего хорошо устроенного сына — вряд ли осуществима. Как бы он ни был привязан к родной Пенсильвании с ее добрыми незабываемыми традициями, он не мог отказаться от расширения горизонтов своей жизни.

РАСШИРЕНИЕ ГОРИЗОНТОВ

В дневнике Бухмана есть пометка, датированная ноябрем 1901 года, о том, что он хочет отправиться путешествовать в Индию. Ему тогда было двадцать три года, его увлечение Востоком родилось гораздо раньше. Среди его книг, которые до сих пор находятся в его кабинете в Алентауне, есть целый ряд по индуистским религиям, китайской философии, японским традициям.

Его родители были в ужасе от всех этих странных идей. Когда это касалось их Фрэнка, то его идеи всегда превращались в соответствующие действия.

Фрэнк Бухман словно услышал глубоко внутри себя голос, говорящий через века. Во времена Реформации жил предок его семьи, который, следуя традиции ученых философов, перевел свое имя Бухман на греческий эквивалент — Библиандер. Этот Библиандер стал преемником Ульриха Цвингли на кафедре греческого языка и латыни в Академии Цюриха после насильственной смерти Цвингли в 1531 году. Во времена, когда турки осаждали Вену и когда каждая кафедра была трибуной борьбы против "исламских противников Христа", Библиандер имел неслыханную смелость опубликовать Коран в латинском переводе; латынь в те времена была международным языком для каждого образованного европейца. В результате, издатель, напечатавший Коран, попал в тюрьму, в подземную темницу, откуда был освобожден только после личного вмешательства Лютера.

Книга нашла своего читателя и получила широкое распространение. В 1553 году Библиандер написал трактат под названием "Под сенью вечного, исключительного, неоспоримого и высочайшего Владычества над миром". На титульном листе было напечатано такое посвящение: "Всем христианам, иудеям и мусульманам Теодор Библиандер желает мира, благоволения и всякого благословения от Господа Бога".

Бухман тогда не знал еще всех этих подробностей. Но он был под большим впечатлением от того, что Библиандер перевел Коран. В нем самом был заключен тот же дух, то же стремление к универсализму, которое теперь должно было найти свой путь к воплощению.

На рубеже веков произошла встреча врожденного стремления Бухмана с движением, которое стало новым развитием христианства, бросившим вызов одновременно и пресной ортодоксии, и сильно разбавленным либеральным теологиям. Это было молодежное движение, в основном студенческое. На летних конференциях Молодежной Христианской Ассоциации (УМСА) и Студенческого Христианского Движения (SCM) витал новый экуменический дух. Движение развивалось и углублялось, его задачей было обновление общества через социальную работу и обновление личности на библейских основах. В Германии "социальное христианство" (один из лозунгов движения) отделилось от церковной жизни и перекочевало в политику, во многом благодаря таким несгибаемым людям, как Штокер и Люсер. Бодельшвинг ввел в практику создание специальных заведений для отверженных. Ферстер успешно проводил родственные идеи в области образования. Были открыты молодежные приюты. В городах появились новые организации "Поселения". Группа молодых людей селилась в каком-нибудь скромном домике, они собирали беспризорных мальчишек и организовывали общинную жизнь. Они устанавливали свои правила для духовной и материальной жизни. Организационный комитет занимался поиском финансовой поддержки, если в этом была необходимость.

Духовное пробуждение распространялось и в Америке благодаря усилиям таких евангелистов, как Моуди, пускало корни и в Англии благодаря Генри Драмонду и другим. Американец Джон Мотт, талантливый организатор, объединил все эти единичные попытки в единое движение. Его единомышленники в университетах Старого и Нового Света, получая специальную подготовку, искусно поддерживали общественный интерес, к большому неудовольствию клириков—традиционалистов.

Фрэнк Бухман тоже принимал участие в этих летних конференциях, цель, поставленная Моттом, "евангелизация мира через

данное конкретное поколение" воспламенило его сердце, как и множество других людей. Не менее четырнадцать тысяч человек подвизались на этом трудном поприще.

Еще один человек сказал решающее влияние на Фрэнка Бухмана — блестящий проповедник Роберт Шпир. В его книге "Уроки Иисуса" (1902) есть глава "Иисус и моральные нормы", там он выделяет честность, чистоту, бескорыстие и любовь, как основные нормы Нагорной проповеди. Эти нормы стали основанием всей работы Бухмана.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Став пастором, летом 1902 года Фрэнк Бухман в порыве юношеского рвения попросил "самую трудную работу в самой неблагополучной части города". Ему поручили паству в захудалой части Филадельфии, выделив два этажа над угловым магазином на Ланкастер Авеню, без всякой гарантированной зарплаты. В помещении почти не было никакой мебели, о чем свидетельствует его письмо к матери: "Один приятель одолжил мне кровать без матраца, другой стол, третий что-то вроде ковра". Вскоре он превратил угловой магазин в "Церковь доброго пастыря". Это стало Местом встречи, они с друзьями часто засиживались там, беседуя до самой ночи. Дом был всегда открыт для мальчишек с улицы, проходящих кормили, и если нужно, то устраивали на ночлег.

Летом 1903-го Бухман отправился в Европу, сначала в Швейцарию, а затем в Германию. Там он встретился с Фридрихом Бодельшвингом, посетил его госпитали в Билефельде.

Бухман нашел образец, по которому он мог равняться в своей работе. По возвращении в Филадельфию он основал в своем доме первый приют для нуждающихся мальчиков. Юноши собирались отовсюду, чтобы провести хотя бы некоторое время в доме, полном тепла. Впоследствии он сам так характеризовал это начинание: "Это была буквально домашняя церковь".

В 1904 году лютеранская церковь Пенсильвании назначила его главой приюта с годовой зарплатой в 600 долларов. Это позволило ему обустроить помещение более подходящим образом. Официальное открытие состоялось в сентябре 1905 года.

Вскоре приют был заполнен молодыми людьми, некоторые из них уже получили работу, некоторые только искали ее. Все они получали хорошую пищу, простую, но вдоволь, но что еще более важно, у них был надежный кров. Даже когда они уходили по вечерам, они знали, что всегда могут позвонить в дверь даже после назначенного часа, и их обязательно впустят. Как бы поздно они

ни возвратились, Фрэнк Бухман без всякого назидания просто накормит их.

Бухман научился у Бодельшвинга, что лучший способ помочь человеку — это дать ему возможность помогать другим. Он вдохновил своих ребят организовать свое "поселение". Была арендована большая комната, расположенная над конюшней в трущобном районе города, где часто целые семьи жили в одной комнате. От пола несло аммиачными испарениями конских стойбищ. Но мальчики с этим легко мирились. Беспризорники имели здесь кров, пропитание и, что важнее, — серьезное к себе отношение, побуждающее занять свое ответственное место в этом мире.

Для Бухмана это были счастливые годы. Он был полон творческих планов, ему казалось, что нет ничего невозможного. Вдруг неожиданно над его головой начали сгущаться тучи. Финансирование осуществляемого проекта зависело от комитета из шести преуспевающих бизнесменов. И у них возникли сомнения в бескорыстии Бухмана.

В октябре 1907 года Бухман написал докладную записку на семнадцати страницах, в которой были представлены только голые факты: "Они не поставляют нам хорошее масло. То, которое привезли, оказалось прогорклым. Рыба была несвежей. Нельзя вести дела таким образом в христианских заведениях. Молодые люди скорее выберут дурную дорожку, если у них пусто в желудке". Он закончил отчет, изложив свою точку зрения на деятельность Церкви: "Церковь Иисуса Христа должна уделять большое внимание непосредственным нуждам человека, в чем бы они ни заключались. Кто-то испытывает нужду в пропитании, а кто-то в ночлеге, кто-то болен, и ему нужен уход. Кто-то приехал из глубинки, и он нуждается в том, чтобы ему показали дорогу в городе. Недостаточно просто сказать такому человеку: "Здесь опасно. Будь осторожен". Я не верю в то, что Церковь сможет вместить все самые значительные проблемы человечества, не верю в возможность влияния Церкви на массы людей до тех пор, пока Церковь не осознает того, что человек в нужде закрыт для той работы, которую обычно проводит Церковь; прежде удовлетворения этой нужды. В служении человечеству самыми разнообразными способами я помогаю каждому человеку в конечном счете открывать свою душу.

К какому бы заключению вы ни пришли, мне бы хотелось еще раз подчеркнуть то, что людям нужно не абстрактное сочувствие, а весьма конкретное участие и помощь".

Все его усилия были напрасны. Комитет потребовал существенного сокращения расходов на питание. После еще одной, последней, попытки что-то объяснить Бухман понял, что проиграл.

Он столкнулся с властью бюрократии и с властью денег. Этот урок никогда не был забыт. От горечи Бухман заболел.

ПОДЗЕМНЫЙ АТОМНЫЙ ВЗРЫВ

Лечащий врач поставил диагноз — крайнее истощение. Он рекомендовал контрастные ванны и морское путешествие.

Путешествие не вполне помогло отключиться. "Я не могу простить этим людям в Филадельфии", — так говорил он одному из спутников по круизу. Немного оправившись, Бухман вновь отправился в Германию, чтобы посетить учреждения Бодельшвинга. У него не было в то время единомышленников. Он пересек Ла Манш, чтобы принять участие в конференции в Кесвике, где надеялся встретиться с проповедником доктором Мейером, но все оказалось напрасно, его там не было.

Заседание конференции не затронуло его. Растерянный и одинокий, гулял он по берегу озера. Однажды в воскресенье он набрел на маленькую церковь. Там шла служба. Он вошел. Небольшая община из семнадцати человек внимала женщине, говорящей о кресте. Это была миссис Пенн—Левис, она принадлежала такому типу христиан, чья глубокая вера была свободна от всякой примеси фанатизма; это позволяло ей судить о грехе и о прощении с почти клинической объективностью.

Впоследствии Бухман скажет об этом: "Все догмы, которые я знал с детства, на которых держится Церковь, которым меня учили, в тот день ожили для меня. Я вошел в маленькую церквушку с раздвоенной волей, одержимый гордыней, эгоизмом и ложными устремлениями. Простые рассуждения той женщины наполнили для меня отношение ко Христу таким личным смыслом, что у меня появилось острое чувство Распятия. Вместе с глубоким переживанием спасительной любви Господа, которая преодолевает мою отделенность от Него, ко мне пришли живительные силы, и я вернулся домой с сильной потребностью поделиться своим опытом. Я написал тем шести из комитета, к кому я чувствовал неприязнь. Я описал свой опыт, когда, стоя у подножья Распятия, я мог думать только о покаянии за свой грех. В начале каждого письма я написал стихотворение:

"Когда я взираю на страшный крест,

Где умер Спаситель в муках,

Я вижу всю тщетность моих побед,

И презираю гордыни самонадеянный ропот."

"Первые три строки было написать нетрудно, — заметит он впоследствии, — а вот четвертая была словно написана кровью".

Многие христиане переживают подобный опыт. Но почему, спросите вы, именно опыт Бухмана стал источником движения, распространившегося по миру?

Чтобы ответить на этот вопрос, проследим определенные закономерности, проявлявшиеся в жизни Бухмана все более и более ярко:

1. В этом необычном переживании Креста, первое, на что он обратил внимание, была пропасть, отделяющая его от Бога. Через эту пропасть человеку не перебраться. Нет пути. Всякое самооправдание здесь бессильно. Что может в этой ситуации человек? Бухман осознал свою полную беспомощность.

2. И вдруг он с ужасом почувствовал, что из этой ситуации можно выбраться только через осознание своей собственной вины. Он обвиняет себя за чрезмерную горечь уязвленного самолюбия, разделяющего с Богом. Так возникает вопрос "греха". Становится очевидно, что грех — это то, что отделяет человека от ближнего и от Бога. И острой болью пронзает сердце мысль: "Ты — человек. Ты все разрушаешь, совершая непоправимое. Это все по твоей вине."

3. И тут неожиданно произошло чудо. Сам Бог в Иисусе Христе преодолел пропасть отделяющего греха. Это нерукотворный мост, перекинутый через бездну. Путь Христа — это путь весомого действия, рождающегося через сердечную жертву. Только так можно перекинуть мост через бездну, восстановить порванную связь. Жизнь сильнее смерти, милосердие Божие могущественнее силы греха. Сердце освобождается от бремени вины.

4. Но есть еще и продолжение. И это весьма показательно для Бухмана. Он понимал, что на этом не кончено его примирение с Богом. Ведь в этой ситуации замешаны и другие люди. И он сам должен через прощение преодолеть пропасть, отделяющую его от ближних.

Бухман был человек практический, для него любая теория должна была ожить в практике. Он написал те шесть писем с извинениями за свое негодование. Он назвал это ложным стремлением, обременяющим сердце человека, разделяющим с другими людьми, разрушающим дружбу и людей. Не надо думать, что Бухману было легко написать те шесть писем. Для него это означало следовать дорогой креста. Именно поэтому в начале каждого из этих писем он поместил то стихотворение о кресте.

5. Это действие принесло Бухману необычайную свободу и счастье. "Узник освободился и стал свободным человеком", — как

писал французский философ Габриэль Марсель в введении к книге "Новая надежда для человечества".

Для Бухмана этот опыт не был мистическим. Напротив, это сделало его реалистом на всю жизнь.

Среди его записей есть замечание, которое подводит итог тому, что было пережито: "Крест не является реально значимым, если это только историческое событие, произошедшее на горе 2000 лет тому назад. По сути это ужасающее по своим последствиям противоборство человека и Божественной сути, разрыв и восстановление, проклятье и исцеление, ненависть ко греху в человеке и любовь к лучшему в нем, которая все дробит, но и восстанавливает новую целостность, в которой мы обретаем свой конец, но и новое начало, смерть и разрушение эгоцентрической зависимости и воскрешение силой Иисуса Христа".

ЛАБОРАТОРИЯ

Новое назначение позволило Бухману осуществлять свои духовные завоевания в жизни. Венс Маккормик, председатель демократической партии Пенсильвании и попечитель государственного колледжа Пенсильвании, был племянником супружеской четы, которой Бухман в свое время помог. Он поддержал предложение Джона Мотта назначить Бухмана секретарем Молодежной Христианской Ассоциации (УМСА) в государственном колледже.

Когда Бухман принял это назначение, его положение оказалось незавидным. Несмотря на установленный сухой закон, алкоголь в штате буквально лился рекой. Студентам его поставлял один из служащих, занимающийся контрабандой. Помимо этого, накануне прошла еще и студенческая забастовка. Студенческая футбольная команда постоянно проигрывала, и это тоже косвенным образом свидетельствовало о внутренней атмосфере среди студентов.

Бухман отнесся к своему назначению весьма серьезно. Он устраивал молодежные собрания по изучению Библии. Он внимательно прислушивался к тому, что говорят студенты, посещал их вечера. Работа секретаря оценивалась по количеству членов ассоциации. В этом смысле Бухман добился высоких результатов — в 1909 году членов было 491 человек, а в 1910 это количество возросло до 1040. Но сам Бухман не был удовлетворен. И не потому, что часто сталкивался с холодным равнодушием некоторых студен-

* "Новая надежда для человечества" Габриэль Марсель, Лонгман, Лондон 1960, перевод с французского "Un changement d'esperance, A la rencontre du Rearmement moral. Плон, Париж 1958 г.

тов. Его даже не задевали те прозвища, которыми его награждали. Он писал в своем письме: "Меня не пугают насмешки. В первые месяцы я был самым непопулярным человеком в колледже. Но когда ты проводишь достаточное время с людьми, те, кто сначала посмеивался, становятся потом хорошими товарищами. За смехом часто скрывается личная уязвимость и беззащитность".

Что действительно беспокоило Бухмана, так это то, что он словно превращался в раба своей службы. "Я работал по 18 часов в сутки. Ко мне все время шли люди. Но в их жизни не происходило ничего принципиально нового", — напишет он впоследствии.

В это время произошла решающая для Бухмана встреча. Доктор Майер, с которым Бухман надеялся встретиться в Кесвике, заехал в их колледж, он намеревался прочитать там лекции. Понаблюдав Бухмана за работой, он с удивлением отметил, как надрываются два телефона в то время, как сам Бухман занят служебным отчетом. Доктор Майер сразу же обратил его внимание на то, что в действительности является главным. Он сказал ему о двух правилах, которые определяют все в работе: слушать Бога больше, чем телефоны, сделать ставку на личностное общение из сердца в сердце, а не на организацию многочисленных собраний.

Это был еще один поворотный пункт в жизни Бухмана. Он писал об этом: "С тех пор я не думал о людях с точки зрения количества, а только с точки зрения отдельных личностей".

Это превратило его в революционера, прокладывающего новые пути, в противовес организатору, полагающегося лишь на статистику.

"Именно тогда я решил посвящать один час, с пяти до шести утра, до того, как начнут звонить телефоны, слушанию голоса Живого Бога, посвящать это время внутренней тишине. Все становится иным, когда Святой Дух входит в каждодневную реальность".

Эта практика тишины стала основанием для плодотворной работы Фрэнка Бухмана: слушать внутренний голос, через который Бог говорит с человеком, записывать приходящие в этом состоянии мысли, а затем следовать "королевской тропой послушания", что приводит все к большему расширению горизонта. Это стало его каждодневной работой, а вскоре и работой сотен тысяч людей на разных континентах мира. "Практика тишины" начала свой безмолвный марш по миру.

В МИР

Бухман продолжал работать в Государственном Колледже в течение семи лет, но в 1915 году он почувствовал, что этому

служению пришел конец. Его ужаснула война, и он постоянно возвращался в мыслях к своим многочисленным друзьям в Европе. Для него ничего не значили все разделяющие людей фронты. "Вы должны научиться думать о целых континентах", — неустанно втолковывал он своим студентам.

В апреле 1915 года он получил письмо от Джона Мотта с приглашением принять участие в специальной миссии для солдат Европы. По словам Мотта, это должен быть "летучий отряд" из шести опытных социальных работников, которые могли бы действовать прямо на полях сражений. Бухман согласился, несмотря на попытки его матери всячески разубедить его. Правда, в последний момент события приняли совсем иной оборот. Мотт получил из Индии известия с просьбой о срочной помощи, необходимо было послать туда человека, владеющего новыми эффективными способами работы с молодежью в университетах, столь хорошо зарекомендовавшими себя в Америке. В послании было упомянуто имя Бухмана. Для него это было приглашение, на которое невозможно не ответить. Он мечтал об Индии многие годы и собрался в течение суток.

Для Бухмана все это означало существенное расширение горизонтов. Впервые ему пришлось иметь дело со столь значительным количеством людей одновременно. В Траванкуре 40000 человек сидели прямо на земле, тесно прижавшись друг к другу, они слушали его, несмотря на чудовищную жару, в течение трех часов подряд. И это было только начало. Развернулась череда нескончаемого успеха.

Однако Бухман не был вполне удовлетворен происходящим. Его все больше и больше одолевали сомнения по поводу эффективности массовых собраний. "Это все равно, что охотиться на кроликов с помощью духового оркестра", — говорил он. Ему хотелось апеллировать к личности, а не к массе, хотелось добиться, чтобы эта личность обрела устойчивость и не ждала помощи от других, готова была сама помогать им. В письме Джону Мотту он писал: "Вы хотите знать, каковы мои впечатления. Меня очень беспокоит то, что здесь в Индии нам постоянно приходится демонстрировать, "как" надо работать. От внимания постоянно ускользает необходимость личного взаимодействия с каждым человеком". И еще: "Такое впечатление, что некоторые люди понятия не имеют, как помочь другому. К примеру, мы столкнулись с такой ситуацией: у нас было четыре секретаря, трое индийцев и один американец, все они работали бок о бок. С одним из них были проблемы, он был человеком нечестным. Все об этом прекрасно знали, и община, и индийцы, и, конечно же, сам этот человек. Но все вокруг мирилось с этим, не представляя себе, каким образом можно недос-

татки человека превратить в ступеньку его роста. Простая двадцатиминутная беседа с ним изменила все направление его жизни".

"Индивидуальная работа, — писал Бухман в Индии, — означает раскрытие скрытых возможностей в человеке".

Некоторое время спустя Бухман встретился с епископом в одном из отдаленных уголков страны. Он попросил Бухмана приглядывать за его сыном, который учился в Кэмбридже. Благодаря этой просьбе Бухман начал проводить работу в Кэмбридже и Оксфорде, откуда его влияние начало распространяться по миру. Манера Бухмана устанавливать личный контакт с людьми была столь необычна, что это не вписывалось в привычный стиль миссионерской работы, многие воспринимали это чуть ли не как вызов. Тем более Бухман был благодарен тем, кто понимал его.

Одним из таких людей был молодой одаренный американец Говард Вальтер. Они встретились в Азии на территории современного Пакистана. Вальтер хорошо знал местный уклад, был специалистом по исламу. Один из его друзей так характеризовал его: "Редкое сочетание хорошо развитого сознания и по-детски открытого сердца, поэт по своей природе, посвятивший свою волю Иисусу Христу".

Вальтер принял Бухмана как "чудо", а его присутствие в Лахоре — как "глоток свежего воздуха". Когда Говард Вальтер вернулся в Америку, чтобы занять пост в Гарвардской Теологической Семинарии, он весьма настойчиво рекомендовал факультету Бухмана на пост адъюнкт-профессора для расширения и углубления преподаваемой программы. Бухман согласился занять этот пост во многом благодаря планируемой совместной с Вальтером работе над общей книгой "Индивидуальная работа". Это было описание, как сделать христианскую веру более эффективной социально, передавая эстафету от человека к человеку. Такого рода задача была уже ранее поставлена профессором Генри Драммондом из Эдинбурга и профессором Генри Райтом из Йеля.

Бухман получил разрешение от ректора университетского колледжа Дугласа Маккензи путешествовать за границей в дополнение к преподавательской практике. Это дало ему замечательную возможность проверять на практике разрабатываемую теорию. Но поскольку его подход был весьма нетрадиционен, вскоре в академических кругах сложилась оппозиция Бухману. Для него учебная цель семинарии заключалась в подготовке духовных революционеров, которые могли бы изменять самую структуру общества.

В то время Бухман находился под большим влиянием профессора Генри Райта из Йеля. Райт был преподавателем греческого и латыни, но его влияние на духовную жизнь университета было столь велико, что для него была представлена специальная воз-

возможность читать лекции о современном воплощении христианства в жизни. Его основная тема была "Божья воля и творчество в жизни человека". Подобно Генри Драммонду Райт был под большим влиянием доктора Моуди. На стене его аудитории были вывешены вставленные в рамку слова Моуди: "Мир должен увидеть то, что может сотворить Иисус Христос в человеке, если он посвятит свою волю Ему полностью".

Именно у Генри Райта Бухман научился и моральным принципам, которые Райт в свою очередь вычитал в книге Роберта Шпера: честность, чистота, бескорыстие и любовь. То же и в отношении триединства "Бог — я — мой ближний", образом которого Бухман часто пользовался впоследствии; это было заимствовано им у Райта.

Осенью 1916 года Бухман собрал группу людей, желавших реализовать веру таким образом, чтобы это могло возыметь определенное действие на всю нацию и на весь мир. Он написал тогда ректору Маккензи: "Я убежден, что эта маленькая группа послужит службу миру, придав новый объем христианскому служению. Наша ключевая позиция заключается в том, что только индивидуальная работа плодотворна. Массовые собрания лишь создают определенные возможности".

У Бухмана начинался новый этап его жизни — Китай.

КИТАЙСКАЯ ТРАГЕДИЯ

В то время Китай был на переломе. Вековые традиции отживали свое. Западный капитализм и империализм наступали. Экстерриториальные концессии получили доступ к китайской экономике; западные силы со всем своим потенциалом современного вооружения сдерживали стремления Китая к независимому развитию. Встал вопрос о новом Китае. Проблема заключалась в том, какое направление будет решающим в дальнейшем развитии.

К тому времени, когда Бухман приехал в Китай, там установился хрупкий баланс политических сил. Ему в свою очередь тоже удалось оказать определенное влияние на ситуацию.

Он уже был однажды в Китае в 1916 году на пути из Индии в Америку. Он побывал в нескольких портовых городах и принял участие в летней конференции в Кулине. Тогда он намеренно оставался в тени. Ему важно было разобраться в ситуации и встретиться с людьми, которые могли бы оказать влияние на происходящие события.

В 1917 году он вновь приехал в Китай, на этот раз вместе со своими друзьями Говардом Вальтером и Шерри Деом. Он пре-

красно понимал, что это был решающий период для Китая, и это обязывало к действию на совсем другом уровне. По опыту работы в Индии он знал, как важно вдохновить лидеров страны.

Когда он приехал в Шанхай в 1917 году, Китай был раздроблен, как никогда. Президент генерал Юань Шикай умер в июне предыдущего года. Страна уже несколько лет жила без единого правительства. Власть поделили между собой несколько военачальников. Призыв Вильсона к самоопределению наций был воспринят как гром среди ясного неба. Китай вступил в Первую Мировую войну в надежде, что в связи с этим будут отменены привилегии для иностранцев.

Сунь Ятсен, создатель гоминьдана, бежал от преследований из Кантона, где он возглавлял молодежную революцию, в Шанхай. Бухман в то же время тоже был в Шанхае. Но встретиться им суждено было только через некоторое время. Бухман был на пути в Кулин на летнюю конференцию.

Цель Бухмана была разрушить существующий стереотип. Он говорил тогда "о грехе абстрактной любви к массам", о том, что невозможно измерить силу и возможности человека, который отдал себя Иисусу Христу. "Если бы такое случилось с генералом Юань Шикаем, он мог бы изменить весь ход истории Китая. Я был бы весьма удовлетворен, если бы на всю страну нашлось бы хотя бы пять человек, которые могли бы работать с конкретной личностью, хотя наверняка есть и больше. Я убежден, что возможно завоевать Китай для Бога. Мы должны прежде всего завоевывать самых ярких противников. Наша беда заключается в том, что мы слишком много говорим о высоких материях, упуская из внимания все остальное. Многие проблемы нашей жизни вытекают из материальных".

Бухман опробовал все принципы на практике задолго до этой конференции. Он познакомился с китайским дипломатом доктором Чан Линнянем, который жил в китайской части Кулина. Одна из его дочерей вышла замуж за Суна, а одна из сестер Суна была замужем за Сунь Ятсеном, другая за Чан Кайши. Именно доктор Чан организовал встречу Бухмана и Сунь Ятсена.

Вскоре после конференции в Кулине Говард Вальтер вернулся в Америку, оставив Бухмана в одиночестве.

К этому времени он получил хорошие известия о том, что руководство Американско-китайской ассоциации собирается профинансировать его программу. Бухман сразу же приступил к работе. Он наметил четырнадцать человек, в том числе и известных людей в Китае. В их число вошел и доктор Чень Чинъи, в свое время он работал вместе с епископом Логаном Рутсом. Во время конференции доктор Чень познакомился с практикой Бухмана. Он привлек к

работе и своего друга Джоржа Сю, который был секретарем Сунь Ятсена, а в дальнейшем стал министром юстиции. Доктор Сю дал Бухману рекомендательное письмо к Сунь Ятсену, в нем говорилось: "Я глубоко убежден в том, что наш народ можно спасти с помощью принципов живой христианской практики. Если вы, как христианин, поддерживаете эту программу, это обязательно принесет свои добрые плоды, очевидные для всего мира. Фрэнк Бухман - сильный духовный лидер, побуждающий людей претворять свою веру в реальные дела".

Сунь Ятсен учился в Америке и, как многие прогрессивные китайцы, очень верил в опыт Соединенных Штатов Америки. Вашингтон и Линкольн значили для них куда больше, чем Вольтер и Робеспьер. Для них христианство связано было с революционной надеждой*. После Октябрьской революции в России Сунь Ятсен послал поздравительную телеграмму Ленину, но сам он отвергал ленинский материализм. Для него вопрос о том, что - христианство или коммунизм - совершит революционный поворот в стране, все еще оставался открытым. Это был роковой вопрос. Китай мог пойти любым путем.

Бухман обычно встречался с Сунь Ятсеном в подвале цементного завода. Сунь Ятсен жил нелегально и всегда выбирал места, откуда легко было выбраться в любой момент. На заводе было три запасных выхода. Совместные беседы подружили двух лидеров. И когда Бухман навестил Сунь Ятсена весной 1918 года, тот попросил всех оставить их с Бухманом наедине. Позднее он признавался: "Бухман — единственный человек, кто открыл мне правду о самом себе"...

Правда — вещь обоюдоострая. Сунь Ятсен бросил свою жену, которая родила ему троих детей, потому что влюбился в одну из сестер Суна. Девушка сбежала из дома вопреки воле родителей, чтобы выйти замуж — это был первый шаг на пути в Пекин, где, после смерти мужа, она будет утверждать его славу уже в коммунистическом Китае. Но тогда, в самом начале, этот брак стал причиной раскола в семье доктора Сунь и среди его последователей. Это отметил не только Бухман, но и секретарь Суна — доктор Сю. Они оба ясно видели, насколько личная жизнь лидеров влияет на состояние народа, в особенности на молодых революционеров, которые буквально подражали своим старшим товарищам...

Однако усилия Бухмана создать в Китае "революционное христианство" пошли прахом. Роковой удар нанесли великие дер-

* Здесь и в других местах надо иметь в виду, что слово "Революция" для американцев не пахнет кровью, оно связано с Джорджем Вашингтоном, а не с Владимиром Лениным или Максимилианом Робеспьером.

жавы. Союзники признали Северное правительство, тем самым спровоцировав взрыв ненависти к Западу и сползание Китая в хаос гражданской войны.

К 1923 году Сунь Ятсен был в такой изоляции, что ухватился за первую протянутую ему руку помощи — от Советского Союза. Ленин послал ему на подмогу Михаила Бородина и генерала Блюхера, который был в Китае известен как Галин; Сунь Ятсен по обмену послал в Москву Чан Кайши. Доктор Сю, разочарованный неудавшейся попыткой объединить христианские силы, отошел от общественной жизни. Чан Кайши утвердил свои позиции и в 1924 году провозгласил три принципа Сунь Ятсена в качестве партийной программы. Когда Чан Кайши порвал с коммунистами, Бородина отозвали в Москву. Он умер в Сибири в 1951 году, став жертвой сталинских репрессий. Но задолго до этого Бухман оставил Китай.

Он был все еще в Японии, когда получил известие от матери о том, что его отец тяжело болен и нуждается в его присутствии. Итак, в апреле 1919 года он отплыл домой.

ПРОРЫВ

В ОТСТАВКУ!

Два года шока после китайской трагедии прошли в постоянных хлопотах. Главной заботой Бухмана стала его мать, которая буквально надорвалась, ухаживая за больным отцом, и ей требовалось время, чтобы восстановить силы. Ему пришлось взять отца с собой в Гарвард, чтобы мать могла побыть одна, в покое, в Алентауне. Он только возобновил свою работу в колледже, когда ему представилось самое большое искушение в его жизни. Джон Рокфеллер младший предложил ему поставить работу на прочные рельсы и создать свой центр с постоянным штатом помощников и стабильным финансированием. Это бы освободило его от материальных забот до конца его жизни, чтобы он мог целиком посвятить себя духовному служению. Все выглядело, как прекрасная возможность укоренения его богатого опыта на американской почве. Но что—то все—таки настораживало его. Будет ли он достаточно свободен, чтобы следовать Святому Духу? Не станет ли он пленником созданной структуры? Его опыт научил его, как опасно христианам, подвизающимся на поприще служения, зависеть от людей с деньгами.

В конце концов он отклонил предложение Рокфеллера, а это означало конец финансовой поддержки с этой стороны или

любой другой, так или иначе зависящей от империи Рокфеллеров. Это был шаг в неизвестность, который стал началом нового пути.

В период своей работы в Гарварде Фрэнк Бухман посещал и другие университеты Новой Англии и восточного побережья Америки. Куда бы он ни направился, повсюду он встречал молодых людей, которым нужна была помощь. Во время таких поездок он почти не спал.

Вскоре он посетил Англию, ему хотелось исполнить просьбу епископа из Индии позаботиться о его сыне в Кэмбридже. Он еще не знал, что выйдет из этого визита. Ему предложили гостеприимство в Вестминстерском колледже Кембриджа. И вскоре ему открылся такой фронт работы, что пришлось остаться еще и на дополнительный срок.

Он вновь приехал в Кэмбридж весной 1921 года, и вскоре после этого произошло событие, которое изменило направление его жизни.

Однажды вечером он ехал на велосипеде по Петти Кьюри, возвращаясь из Вестминстерского колледжа после беседы с группой студентов. Для него этот период был переходным, он словно вернулся в гражданскую жизнь, и это его немного беспокоило. Он вновь и вновь спрашивал себя, соответствует ли его церковная и общественная деятельность суматошной послевоенной ситуации того времени, можно ли дать новую веру новому послевоенному поколению — циничному и беспочвенному, так, чтобы в обществе зародился новый порядок.

И вдруг его охватило такое сильное чувство, что его велосипед завихлял и он чуть с него не свалился: "Я хочу изменить мир через тебя".

Это послание повторялось снова и снова: "Я хочу изменить мир через тебя".

Это происшествие так потрясло Бухмана, что он даже боялся записать его в свой блокнот. В последующие часы это состояние неотступно возвращалось, и еще целых три дня после он не решался рассказать обо всем своим друзьям.

Он прекрасно понимал, что это все означает. Задача, которую он поставил в Китае — сделать силу веры спасительной силой нации — должна теперь распространиться на весь мир. Он отдавал себе отчет, что такая постановка задачи превышает его человеческие возможности, но в то же время горячо верил в то, что Бог может сотворить это через человека, в самом человеке и с его помощью, если он целиком поверится Божественной воле. В конце концов он принял эту волю, как призыв и призвание.

Несколько недель спустя он оказался в Оксфорде. Он приехал туда, чтобы навестить своего друга Алекса Бартонна. Он

нашел его около церкви в компании высокого широкоплечего шотландца, которого Алекс представил Бухману: "А это Людон Гамильтон".

Тот, несколько смущаясь, пригласил Бухмана на "философскую" дискуссию, которую студенты устраивали раз в две недели в клубе "Говядина и Пиво".

Это было очень странное собрание — 90% составляли студенты из бывших офицеров (Гамильтон имел чин капитана), а также ветераны двадцати одного—двадцати двух лет, весьма скептически настроенные, и несколько юнцов, которые, естественно, не были на войне. Дискуссия была довольно "мудреная". "В Оксфорде мы не всегда прекращаем говорить после того, как уже высказали то, что хотели", — заметил по этому поводу Людон Гамильтон. Было уже почти одиннадцать часов вечера. А Бухману все еще не удалось что-либо вставить. Все собравшиеся знали, что он приехал в Кэмбридж из Америки. В конце концов его спросили, что он думает по этой теме. Бухман сказал, что он согласен с их мнением о необходимости перемен. А потом он рассказал о студентах Кэмбриджа и о том, как они пришли к выводу о необходимости начать изменения с самих себя. Это присутствующим понравилось, и он продолжил на живых примерах.

К удивлению Людона Гамильтона его сосед по комнате, законченный циник, вдруг изъявил желание пригласить Бухмана на завтрак на следующее утро. И поскольку отказаться было неудобно, Гамильтону пришлось согласиться, но он предусмотрительно заказал побольше еды, чтобы Бухман побольше ел и меньше говорил.

Поначалу все шло нормально. Они болтали о спорте, об экзаменах, о погоде. Потом Бухман стал рассказывать о Китае. Он вспомнил об одной директрисе школы для девочек в Гонконге, которая никак не могла придумать, что ей делать с ученицей, которая была нечиста на руку. И вдруг в разговоре с ней Бухман неожиданно спросил ее: "А когда вы сами в последний раз что-либо крали?" "Ну, я помню, как девочкой украдкой вытаскивала деньги из кошелька своей матери", — ответила она. "А вот вы ей и расскажите об этом", — предложил Бухман. Та последовала его совету, и это возымело весьма благотворное влияние. Воровство в этой школе прекратилось.

Когда Бухман закончил, воцарилась тишина. И вдруг, к удивлению Гамильтона, Сэнди, его рыжеволосый сосед, сказал резко: "Я тоже не всегда был честен с деньгами". Это побудило Гамильтона в свою очередь вспомнить, как недавно он ездил зайцем. И к концу завтрака он уже неотступно думал, где бы раздо-

быть денег, чтобы вернуть их в кассу — он был уверен, что именно так и нужно поступить.

К еще большему своему удивлению, он вскоре выяснил, что большинство участников той дискуссии не могут позабыть рассказов Бухмана. Некоторые подходили к нему с вопросами, кто такой этот Бухман и как с ним можно связаться. И Гамильтон вновь пригласил Бухмана на субботу и воскресенье.

Этой осенью Бухман вернулся в Америку с некоторыми сомнениями по поводу своей деятельности. Однажды утром во время практики тишины и безмолвия он услышал и записал: "Ты должен уйти из Гарварда. Не беспокойся о деньгах. Изменение жизни будет лучшей защитой. Рискни. Начни путь в одиночестве".

Он не мог уйти в отставку сразу же. У него были уже запланированы лекции, которые он должен был прочитать в Гарварде. Но в декабре его пригласил в Вашингтон старший офицер британской армии для участия в конференции по разоружению после первой мировой войны. Этот офицер — бригадир Дэвид Фостер — очень хотел, чтобы Бухман встретился с ним и еще с тридцатью его соратниками.

И пока Бухман ехал в ночном поезде в Вашингтон, его сердце отстукивало в такт колесам "В отставку, в отставку, в отставку". И когда он подъехал к Вашингтону, он наконец решился. Идея созрела и превратилась в ясное решение.

Когда он сказал об этом матери, та пришла в ужас. Он написал ей: "Не волнуйся. Волнения убили кошку. Я спокоен от пришедшего осознания. Лучшее впереди".

Ректор Маккензи все сделал, чтобы убедить Бухмана остаться, переменить свое решение, но Бухман стоял на своем. Он ушел в отставку и с той поры до конца своих дней никогда уже не занимал оплачиваемую должность. Его не заботила больше привычная человеческая безопасность, он целиком предался воле Божьей.

В конце семестра в марте 1922 года он отплыл в Англию. Друзья оплатили его билет.

ПРОРОКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Тем временем Людон Гамильтон и его друзья пытались продолжить начатые изменения после тех памятных встреч с Бухманом. Шестеро из них образовали группу для регулярных встреч еще в начале семестра. Затем они решили пригласить еще желающих. В результате собралось сорок четыре человека. Давно уже не случалось подобного, чтобы студенты в таком количестве подвиза-

лись на духовном поприще. Это подвинуло ведущего теолога университета вознести благодарение с кафедры за "новый дух, коснувшийся этого старого университета".

Итак, растущее число тех, кто жаждал практически изменить свою жизнь, сделало Оксфорд центром работы Бухмана на ближайшие десять лет. По студенческим записям можно видеть, что в 30-е годы устраивались ежедневные встречи для обсуждения своих достижений и планов на будущее.

Что касается планов самого Бухмана, то об этом можно судить из его записи, сделанной в мае 1924 года: "Объехать весь мир с группой апостолов. Нельзя делать ставку лишь на одного человека. Мы переживаем кризис цивилизации. Мы живем во времена эгоистической замкнутости и сексуальной одержимости. Это не означает, что прошедшие времена были лучше или хуже, мы должны иметь дело лишь с современностью. Сейчас грех имеет привлекательность для человека. А нужно, чтобы Бог стал интересным и притягательным для людей. Твои воспитанники должны стать пророками нового времени".

Подобно Франциску Ассизскому и Игнатию Лойоле, Бухман поставил цель обойти все земли, имея активное ядро служителей, преодолевая устоявшиеся рамки христианского служения, побуждая консервативную церковь находить новые пути.

Для первой экспедиции он отобрал шесть человек, троих из Оксфорда и Кембриджа и троих из Йеля и Принстона. 9 июня 1924 года Бухман попрощался с матерью в Нью-Йорке. Она была очень рада, что он организовал ее приезд так, чтобы она могла проводить его. "Да хранит Вас Господь, — благословила она, — Все говорят, что ты во многом помогаешь им. Я постараюсь быть мужественной. Надеюсь, мы еще увидимся".

Группа Бухмана проехала по Европе до Константинополя. Из Турции они отправились в Святую землю, а затем в Индию.

Они все были очень разные, на своем пути они встречали еще более отличных от себя людей. Это был непростой опыт. Прежде всего было трудно добиться единства между собой. Обычные каждодневные мелочи — одолжить ручку, вместе жить в одной комнате, не опаздывать к обеду или к поезду, поддерживать особую гигиену и осторожность в быту в тропических странах — все это часто вызывало разногласия и споры. "Иногда было ощущение, что ты одновременно в Святой земле и в аду", — заметил об этом Бухман. Он постоянно твердил им, что невозможно ожидать от государственных деятелей отречения от эгоистических устремлений, если они сами не выиграют эту битву со своей волей.

В Индии борьба за независимость была в самом разгаре. Ее возглавляли Махатма Ганди, Раджагопалачари, Мохамед Али и Неру. Бухман встречался с ними и установил добрый контакт.

В то время, когда разрыв между индийцами и англичанами становился все глубже, усилия Бухмана и его товарищей имели благотворный эффект и получили признание по всей стране. Бухман многократно встречался с Ганди. Они совершали совместные прогулки вдоль моря. Впоследствии Бухман вспоминал: "Это было все равно, как беседовать с Аристотелем".

За завтраком с лордом Ридингом, наместником короля в Дели, разговор зашел о братьях Али, наиболее активных лидерах в Индии, которых Бухман знал лично. "Это негодяи, — отозвался о них наместник, — я вынужден посадить их в тюрьму. А что бы вы на моем месте сделали?"

"Я сделал бы для них то же, что вы сделали для меня — пригласил бы их, как почетных гостей, чтобы узнать их поближе". Лорд Ридинг дал слово Бухману, что пригласит братьев Али на обед. Впоследствии он был первым, кто посоветовал пригласить их на "круглый" стол, посвященный Индии, заседания которого состоялись в Лондоне в 1930 и 1931 годах.

Для Бухмана было весьма непросто поддерживать равновесие в своей команде. Людон Гамильтон должен был вернуться домой пораньше. Еще одному участнику экспедиции стало трудно ее продолжать, и он вернулся вместе с Гамильтоном в Англию. Третий получил срочный вызов от церкви из Америки.

Бухман прекрасно понимал, что их экспедиция терпела много неудач, особенно вначале: "Мы были довольно странной командой, и теперь мне стыдно за нашу юношескую самоуверенность. Мы должны были учиться таким добродетелям, как терпимость и добросердечие. Я поражаюсь Божьему терпению и благоволению".

Ганди же в свою очередь подметил в людях Бухмана другое: "Раньше я замечал, что, когда англичане приезжают в Индию, у них добрые намерения, но, чем дольше они остаются в нашей стране, тем холоднее становится их сердце. В случае с этими людьми все иначе — чем дольше они оставались с нами, тем теплее становились их сердца".

Бухман подвел итоги того, чему они научились в Индии, так: "Чтобы пробудить современный мир от мертвенного бесчувствия, нужно совсем иное. Самые большие враги христианства — это так называемые христиане, которые лишь на словах христиане, а не на деле. Деятельность апостолов была всегда вызовом этому миру. Не может быть респектабельного христианства.

Какое замечательное зрелище — группа молодых людей, которые стремятся славить Бога своей жизнью, они собираются по домам, как первые христиане. Это вдохновляет, пробуждает душу. Христос жив не каждый час, а каждую минуту каждого дня. Есть большая разница между властью Духа и духом власти. Христос учил через Свои страдания. Так и Ганди учит. Восприимчивость — признак величия".

Когда Бухман приехал в Лагор навестить могилу друга Говарда Вальтера, он получил известие, что его мать упала и сломала бедро. А когда он ночью сидел в поезде, идущем на юг, он почувствовал, что купе наполнилось светом. И он приготовился к известиям; вскоре он получил телеграмму, что его мать умерла. В дальнейшем он писал своему другу, попавшему в беду: "Если когда-нибудь у тебя возникнет чувство страха перед тем, что же нас ждет в вечности, вспомни, как Бог поддержал мою веру, наполнив светом вагон поезда".

И НА ЗЕМЛЕ КАК НА НЕБЕ

Вся суть деятельности Бухмана может быть выражена словами Габриэля Марселя — "соединение глобального и интимного". Это определило широту и глубину. Его взгляды формировались вопреки традиционному консерватизму. Они распространялись подобно взрывной волне. Это вызывало раздражение у благодушствующих. Не просто было и для тех, кто разделял его взгляды. Но это уже невозможно было остановить.

Прыжок от персонального к национальному был впервые осуществлен в Южной Африке. В июле 1928 года группа из семи студентов Оксфорда высадилась в Кейптауне. Это стало новой вехой в истории деятельности Бухмана. После Южной Африки (1928, 1929) была Канада и Америка (1932), Скандинавия (1934), Швейцария (1935), Голландия (1937). Основной ареной деятельности были Англия и предметом особой заботы — фашистская Германия.

Незадолго до начала второй мировой войны новое направление деятельности получило свое название и обоснование, прозвучавшее в выступлениях Бухмана в лондонском Истэнде, в Визбе (в Швеции) и в Швейцарии. Иллюстрированный журнал "Райзинг Тайд" растиражировал его послание по миру.

Началось духовное наступление на многочисленных собраниях, во время специальных акций, длящихся по несколько недель. Но упор был сделан на "домашние встречи", когда людей пригла-

шали в отель, колледж или в любой другой вместительный дом, и специально подготовленная группа проводила там собрание.

Год спустя после поездки тех семи человек в Южную Африку Бухман запланировал расширенную поездку с большим количеством участников. За несколько месяцев до предстоящей поездки он составил список: генерал-губернатор лорд Этлон, уполномоченный премьер-министра Хофмайер, генерал Смутс, генерал Герцог и несколько его знакомых журналистов; в конце он прибавил: "Подумай об этих десяти в Южной Африке, если их завоевать, это будет очень важная победа для всех. Пусть они будут твоей командой".

Когда они добрались до места, барона Гекерена из Голландии пригласили остановиться во дворце генерал-губернатора. Лорд Этлон, несмотря на свою занятость, каждый вечер поджидал своего гостя, как бы поздно тот ни возвращался после "домашней встречи", чтобы узнать от него, о чем шла там речь. В церкви он слышал от епископа о том глубоком впечатлении, которое на него произвела такая "домашняя встреча". После этого он устроил для Бухмана возможность личного знакомства с генералом Смутсом и его супругой. Но более всего убедила лорда Этлона удивительная перемена, произошедшая в Джордже Даниле, игроке в регби Южно-африканской команды. Как-то после их часовой беседы, уже провожая Бухмана до машины, лорд Этлон спросил его неожиданно: "Мы не обсудили еще то, что занимает меня более всего, как вам удалось повлиять на такого человека, как Джордж Дэнил, чтобы он так изменился. Вы должны мне это рассказать. Пожалуйста, вернемся в дом". И они продолжили беседу.

В то время конфронтация между бурами и англичанами все больше обострялась и углублялась. На заключительной сессии домашней встречи профессор Эдгар Брукас из отделения политологии университета Претории, известный представитель англоязычного сообщества, представил убедительное свидетельство нового типа взаимопонимания, которое было достигнуто противоборствующими сторонами.

В это время созревала и мощная оппозиция такому взаимопониманию. Ненависть к англичанам достигла такого уровня в университете Претории, что англоязычные профессора, в том числе и профессор Брукас, вынуждены были уйти в отставку.

Во многом это произошло из-за той кампании, которую развернул профессор Артур Норваль, лидер бурской группировки. Его отец был убит англичанами во время бурской войны, и он до сих пор хранил форму отца, запятнанную кровью; это питало его ненависть. Его жена все же сумела убедить Норваля пойти на встречу, устроенную в доме Хофмайера, директора школы для

двухязычных мальчиков, и там Норваль впервые услышал профессора Брукаса.

Потом он признался: "Когда я вернулся домой после собрания, я провел самую жуткую ночь в моей жизни. Я осознал, что не могу больше ненавидеть англичан, и в то же время я не хочу, чтобы меня считали предателем те, кого я считал своими лучшими друзьями, те, с кем мы вели эту борьбу бок о бок долгие годы. Я всегда гордился своим научным мышлением, агностицизмом, меня не интересовал Бог. Но в ту ночь я молился: "Боже, если на свете есть Бог, я хочу предать свою жизнь Тебе — даже через силу". Результаты не замедлили проявиться. Я начал относиться к людям как к самоценным личностям, а не как "англичанам" или "африканцам"

Вскоре после этих событий он созвал собрание в городском зале Претории, на которое он пригласил руководителей различных общин. Собралось столько народа, что некуда было яблоку упасть. Все собравшиеся не поверили своим глазам, когда увидели профессора Норваля и профессора Брукаса, придерживающихся одной точки зрения, и когда они услышали, как Норваль, который поклялся никогда не говорить по-английски, теперь объяснял именно на этом языке, почему он решил работать вместе с Бруксом и его товарищами ради взаимопонимания и сотрудничества.

Тридцать лет спустя Альберт Лютули, один из крупнейших правозащитников черных в Южной Африке, который получил Нобелевскую премию мира, в своей книге "Дайте моему народу волю" (Let my people go, 1962 г.) так описывал свои встречи с профессором Бруксом: "Мы могли обсуждать с ним со всей откровенностью все вопросы расовых конфликтов Южной Африки. Я не могу сказать, что так мы могли решить их, но не забываю его движение навстречу в дружеской беседе, его проникновение в противовес существующему в то время глухому непониманию... Доктор Брукс остается одним из самых выдающихся людей в Южной Африке с точки зрения здравомыслия и морали как в общественной, так и в личной жизни".

СКАНДИНАВСКИЙ ФЕНОМЕН

Оказавшись снова в Европе в 1934 году, Бухман обнаружил самую большую опасность того времени — фашизм и коммунизм.

Приглашение Карла Гамбро, президента норвежского парламента, с которым Фрэнк Бухман повстречался в Женеве, открыло возможность повлиять на происходящие события. Карл Гамбро предложил организовать домашние встречи в норвежском городе

Хесбьери, куда бы он мог пригласить до ста своих друзей. Бухман намеревался привезти туда свою команду из тридцати человек.

Как уже бывало не раз, события приняли неожиданный поворот. Вместо ста человек собралась целая тысяча. Команда Бухмана из тридцати человек выросла до ста. Каждая кровать в округе была занята. Новость о происходящем в Хесбьери быстро распространялась. Производственные конфликты, угроза всеобщей забастовки — все решалось в новой миролюбивой атмосфере. Король выразил свое удивление по поводу явно изменившейся тональности воскресных проповедей по радио. Президент норвежской ассоциации авторских прав, Рональд Фанген, приехал в Хесбьери, вооружившись солидным запасом виски и несколькими детективами, но так к ним и не прикоснулся. Позднее он напишет: "Важное значение Оксфордской группы в том, что она явила нам вновь образ христианства, простой и ясный способ взаимодействия, полный радости и побед, как в первохристианские времена". Епископ Берграф оценил это как "величайшее духовное движение со времен Реформации". Интерес возник и в соседних скандинавских странах.

Путь в Данию был открыт благодаря поступку Фредерика Рамма, норвежского корреспондента, который в свое время сопровождал Амундсена в первом перелете на Северный полюс. Его сообщения и репортажи разнесли эту новость по всему миру. Но потом язвительные публикации о проблеме Гренландии снискали ему дурную славу в Дании. В Хесбьери он принес официальные извинения за нападки на датчан и объявил о своей готовности к примирению. Это расположило датчан принять Бухмана и его Оксфордскую группу.

В начале 1935 года Бухман отправился в Данию с командой в триста человек. Целую неделю самый большой зал в Копенгагене каждый вечер был буквально переполнен. Каждое утро было занято подготовкой большой команды Бухмана к вечерним собраниям. Постоянно приходили известия о том, что произошло накануне — это были и сочувственные отклики, и критические нападки. Однако еще важнее была самокритика движения. Бухман неустанно повторял: "Вы можете за аргументами в защиту своей идеи не увидеть человека, которому все это говорите. Вы выигрываете в споре и теряете человека".

В последующие недели был необыкновенный приток новых людей — мужчин и женщин, молодых и пожилых. Многочисленные собрания проходили в церквях, школах, в различных организациях. Газеты много писали о происходящем. В замке Гамлета в Эльсинаоре собралось во дворе до 10000 человек. Главный редактор "Dagens Nyheter" поместил в газете большую статью об этом собы-

тии: "Весь двор замка был заполнен людьми, как никогда и ни на каком собрании. Люди всех возрастов, всех социальных уровней, всех убеждений, всех партий и классов... Так пишется современная история! Я сам никогда ни о чем подобном не слышал. Да, есть движения, которые завоевывают целые нации. Этот же человек твердо намерен завоевать весь мир, так, чтобы все нации слушали голос Бога Живого... Епископ Копенгагена был глубоко тронут, он закончил собрание искренней благодарностью Френку Бухману от имени Датской Церкви."

Было весьма символично то, что название первой песни Оксфордской группы в Англии было "Строители мостов". Дух обновления, захвативший столько скандинавов, продолжал жить и в тяжелые времена нацистской оккупации. Фредерик Рамм, умирая от чахотки в тюрьме гестапо, сказал своему другу, которому было разрешено его навещать: "Несмотря на изоляцию, я не один, я не чувствую одиночества. То, чему я научился у Оксфордской группы, абсолютно реально. И лучше быть в тюрьме с Богом, чем на свободе без Него".

В апреле 1945 года епископ Арне Фьельбу, известный норвежский лидер, который сыграл значительную роль в сопротивлении, сказал в Лондоне: "Мне хотелось бы публично заявить о том, что основание для объединенного сопротивления норвежских клириков нацизму было заложено стараниями Оксфордской группы". И позднее он добавил в своем интервью прессе: "Первое прибытие Оксфордской группы в Норвегию было благословением Провидения... Они помогли перекинуть мост между религией и простыми людьми, и это живет и действует до сих пор. Мы сражались больше, чем просто с вооруженным противником, мы сражались с воинствующим материализмом. Оксфордская группа помогла нам завоевать людей, и они отстаивали идеи христианства".

ИЗ ШВЕЙЦАРИИ ПО ВСЕМУ МИРУ

Бухман был приглашен в Швейцарию одним из участников скандинавской компании для того, чтобы взяться по-новому за немецкую проблему. Эта новая кампания была начата в Женеве как в столице Лиги Наций.

Чтобы удовлетворить любопытство делегатов Лиги Наций относительно деятельности Оксфордской группы в разных странах, доктор Бенеш, президент Чехословакии, который тогда был и президентом Ассамблеи Лиги Наций, дал официальный завтрак для пяти тысяч гостей, в числе которых были представители сорока пяти наций, в том числе Италии и Эфиопии, находящихся в кон-

фликте, с тем, чтобы все могли познакомиться с Фрэнком Бухманом и его соратниками.

Бухман сказал тогда всего несколько слов: "Многие уже почувствовали, что одного интернационализма недостаточно. Если национализм может объединить нацию, то супернационализм может объединить весь мир. Супернационализм послушания Богу — единственное возможное основание для мира во всем мире".

А затем Карл Гамбро, который был председателем Ассамблеи в прошлом году, представил картину того, чего добились участники Оксфордской группы в его стране: "Сотни тысяч людей изменили свою жизнь. Это влияние распространилось по всей Норвегии. Как политики вы меня поймете: все, кто соприкасался с Оксфордской группой, в дальнейшем уже не могли относиться к интернациональной работе по-старому, они освобождались от предвзятости и ненависти".

"У нас сложилось впечатление, что этим людям удалось уловить нечто важное, что ускользнуло от нашего внимания. Они создавали возможность взаимодействия мужчин и женщин независимо от национальной и политической принадлежности; это был тот мир, к которому мы безнадежно стремились многие годы. И там, где нам не удавалось изменить политику, они изменяли ход жизни конкретных людей, давая им возможность встать на новые рельсы".

Происходящее в Женеве стало толчком к обновлению всей страны. В крупных городах прошли массовые собрания. Самые большие залы были переполнены. В Цюрихе огромный Борзензаль был настолько забит, что пришлось устраивать дополнительное собрание. Это было удивительное будоражащее время, опрокидывающее все представления.

Один из швейцарцев, на кого Бухман возлагал особые надежды, так оценивал происходящее: "Секрет этого движения заключается в установке, что все значимое в мире обуславливается внутренними сдвигами в отдельных людях. Это новое мироустройство возможно не благодаря новым идеям или институтам, а благодаря новому в самом человеке. И чем больше это новое входит в жизнь человека, в его взаимоотношения с другими, тем больше обновляется сама жизнь, тем прочнее его связи с людьми подобного опыта. В соответствии с этим правилом действует и новая сила, создающая новые ячейки общества, известные как "группы".

Чем же это движение отличается от других религиозных течений?

*** Свободой и дисциплиной своих членов.** Группа — это организм, а не организация. В ней нет законом установленных обязанностей, правил, нет членских взносов. Порядок между от-

дельными личностями или группами устанавливается в соответствии с инициативой и ответственностью, которые проявляются по доброй воле. И чем больше контакт с центральным ядром, тем четче дисциплина, тем обоснованнее лидерство, тем прочнее связь, тем шире горизонт активности.

*** Новым образом жизни.** Для этих людей вера не есть нечто сверх нормы, чему отводится лишь некоторое время в жизни, некоторые убеждения и некоторые привычки. Вера — это структурирующий дух, пронизывающий всю их жизнь. Такая вера делает людей открытыми, оживленными, не банальными, счастливыми, несмотря на тайное противодействие традиционалистов.

*** Новым чувством реальности.** Эти люди убеждены, что слова и идеи, из которых состоит наша жизнь, подвержены инфляции. Они отвергают незыблемость значения слов или истин, которое не соотносится с конкретными нуждами конкретных людей. Поэтому они опираются на смысл Нагорной проповеди: абсолютная честность, абсолютная чистота, абсолютное бескорыстие, абсолютная любовь. Они избегают употребления стершихся слов. Значение любой проповеди определяется не тем, насколько часто употребляются священные имена или цитируется текст Писания, а тем опытом, который проповедник вкладывает в свои слова.

*** Вниманием к тому, на что можно повлиять.** Вера — это не доктрина, не твердая позиция. Это событие. Что-то происходит. Чьи-то глаза открываются. Что-то реально совершается. У Оксфордской группы есть простое правило: грех — это нечто, отделяющее меня от Бога и от ближнего. Причина неэффективности или затруднения в том, что связующий канал — от Бога через человека к его ближнему — заблокирован разросшимся эгоизмом. Мы относимся к себе с преувеличенным вниманием, это проявляется в разных формах — резких и мягких, активных и пассивных. Для тех, кто наблюдал это в себе, есть только один выход — разделаться со своим эгоизмом. И тогда канал будет чист. И тогда может что-то действительно произойти. И происходит.

Многие люди готовы всем рискнуть ради Бога, если бы они точно были уверены в Его существовании. Какая буржуазная расчетливость! Какая предусмотрительность! Измените акценты! Рискните всем ради Бога, и вы убедитесь в Его существовании.

*** Всеобщим призывом.** Когда это движение обновления стало пробиваться через толщу реальности так, как в первохристианские времена, оно не ограничивалось сугубо религиозной сферой, наоборот, искало выхода в сферу личной и общественной жизни. Оно принесло импульс возрождения в самом глубоком смысле — личного возрождения и общественного".

В заключение этой кампании Бухман произнес речь в Цюрихе, в которой он выделил свое представление о роли Швейцарии в мировом процессе: "Я вижу Швейцарию своего рода пророком для всех наций, миротворцем в интернациональной семье. Я вижу возможность живого христианства стать определяющей силой государства через личную ответственность людей перед лицом Божиим. Я вижу такую силу церкви Швейцарии, которая позволила бы посылать людей с миссией в другие страны. Я вижу возможность предпринимателей Швейцарии продемонстрировать всему миру, что истинная безопасность заключается лишь в вере в Бога. Я вижу возможность швейцарских политиков засвидетельствовать всему миру, что Божье водительство — это единственная форма политики. Я вижу возможность швейцарской прессы стать глашатаем нового мироустройства".

БИТВА ИДЕОЛОГИЙ

Задолго до того, как это стало для всех очевидно, Бухман обнаружил появление нового духа, который в дальнейшем сыграет в истории разрушительную роль.

Вскоре после Южной Африки его пригласил в Южную Америку британский посол в Перу — сэр Черльз Бентик. Бухман осуществил эту поездку в 1931 году. То, что он тогда увидел, потрясло его до глубины души — революционные отряды*, в основном студенческие. Он писал: "Страшно, что юные девушки по восемнадцать—девятнадцать лет ведут коммунистическую пропаганду. Есть ли у нас, христиан, вразумительная программа в ответ этим хорошо планируемыми действиями?" Спустя несколько недель, выступая в университете Абердина, он так описывал южноамериканские впечатления: "Когда я смотрел на небо, красное от пламени, охватившего ночной город, мне представились слова, начертанные языками пламени — "Нам нужно вдохновляющее водительство, чтобы иметь мужество перед лицом охватившего мир кризиса".

В этом отношении Бухман опередил большинство своих коллег. Те, кто были не готовы взглянуть на реальность столь трезво, поскольку это требовало от них мужества и жертвенности, обвиняли Бухмана в радикализме, утопизме и преувеличении. Но это не остановило Бухмана. Он видел, насколько непросто, даже для Церкви, устоять перед лицом поднимающих голову идеологий — фашизма и коммунизма. "Чтобы спасти христианство, такие кол-

* Первый случай в книге, когда слово "революционный" имеет привычный для нас смысл. (Прим. перев.)

лизии необходимы, — записал он во время практики безмолвия. — Разве лаборатория для академической работы может удовлетворить нужды современной жизни? Материализм подготовил почву для коммунизма. Одного гуманизма недостаточно для равновесия. У христианства нет исчерпывающего ответа на этот вызов. Мораль большевизма требует контрнаступления живого духа Божьего. Разве есть такое вместилище, которое могло бы накопить достаточно сил, чтобы изменить ход истории?"

Тем временем в Оксфорде стали происходить удивительные вещи. "Автоклуб, можно сказать, взорвался", — как писал известный журналист. Речь шла о трех его самых известных членах, которые славились лихой ездой, пристрастием к алкоголю и шумным сборищам. Они нашли новый способ реализовывать свою активность, и это было интереснее, чем прошлые забавы. После общения с Бухманом, они отнюдь не утратили своей подвижности, а лишь изменили ее направление. И это стало местной сенсацией. Число тех, кто пытался подчинить свою жизнь водительству Божьему, неуклонно росло в университете.

У Бухмана сложились хорошие взаимоотношения со шведским архиепископом Натаном Седерблемом. Они познакомились на конференции в Морене, организованной сэроом Генри Ланном в Швейцарии. Архиепископ, которого называли "отцом экуменизма", в своем ответном письме предостерегал от возможной косности, которая появляется при создании организации: "С самого начала я чувствовал, что наши усилия ради созидания единства не должны сегодня принимать форму организации и четкого планирования. Как Вы правильно заметили, мы должны обрести более глубокое единство. Предмет нашей заботы — то, в чем больше всего нуждается жизнь и вера — абсолютная власть Христа в наших сердцах, словах и поступках. Одна измененная жизнь важнее сотни проповедей".

После своей поездки по Латинской Америке Бухман писал о своих впечатлениях: "Может быть никто столь не радеет о Церкви, как я. Верность Церкви означает и трезвость по отношению к Церкви. Коммунизм и фашизм привнесли в Церковь такой кризис, какой она возможно не испытывала с катакомбных времен. И что же теперь делать? Находить абсолютно новые пути — "Ходите прямо ногами вашими". Самое главное — не наши представления о Церкви, а то, в чем нуждается мир. Я знаю, поднимается буча. Но я готов пройти через все это."

И действительно поднялась буча. Но остановить духовное брожение, вызванное Оксфордской группой, было уже невозможно. В Вестминстере, в Эрматингене, в Бирмингаме, в Гааге, в Париже, в Блумфонтейне, в Манчестере, Дарлингтоне, Утрехте, Бре-

славле и Женеве проходили домашние собрания, создавались центры, которые распространяли новый дух все шире и шире вокруг. Была в Оксфорде и оппозиция, но это пошло лишь на пользу самой Оксфордской группе.

Каноник Тортон—Дьюсбери так отзывался о некоторых качествах Бухмана, которые привлекали к нему внимание интеллектуалов: "Мышление Бухмана не является академическим в привычном смысле, но у него совершенно удивительная реакция и динамика, он моментально схватывает суть проблемы. Плюс ко всему у него замечательная способность выражать сложные вещи в доступной для восприятия простого человека форме. Это и притягивает к нему выдающиеся академические умы. Я, в частности, имею в виду его отношения с двумя деятелями Оксфорда — доктором Стритером и профессором Гренстедом. У них возникло взаимопонимание и взаимоуважение, основанное на скромности великого ума, осознающего свои границы так же хорошо, как и свои сильные стороны. Эта скромность и привлекала к ним молодых.

Расширение деятельности проходило иногда по совершенно неожиданным направлениям. По инициативе членов Парламента состоялось памятное собрание в Палате Общин. По инициативе мэров нескольких городов, представленных в парламенте, была проведена кампания в лондонском Истэнде. Бурные дискуссии проходили и между членами парламента, и среди рабочих.

Бухман чувствовал себя, как рыба в воде, и в общении с государственными деятелями, и с представителями профсоюзов. Однажды племянница лорда Сольсбери спросила его, почему он принимает такое участие в Оксфордской группе, он ответил: "Я видел, как дух Божий шествует по водам, и я не могу оставаться в стороне".

Нельзя сказать, чтобы у Бухмана было много иллюзий на счет высокопоставленных особ в Англии. Он писал одному из своих доверенных лиц: "Я не думаю, что мы можем рассчитывать на то, что это старшее поколение может спасти Англию. Они погрязли в своих заботах. С некоторыми оговорками я почти не полагаюсь на активные действия с их стороны. Энергичные промышленники — вот кто внушает мне некоторую надежду. Им не привыкать к глобальным решениям".

Тем временем деятельность Бухмана в Англии весьма расширилась. Когда он бывал в Лондоне, он жил в Браунс Отеле. Владельцем отеля был один швейцарец, его старинный друг.

Там, за льготную цену, он снял три комнаты — жилую, секретариат и книгохранилище. Конечно, места не хватало. Тем более, что в 1937 году, во время коронации, он уже и не мог оплатить

даже это помещение. Нужно было найти что-то более подходящее.

В этот же год один его старый друг оставил Оксфордской группе наследство в 500 фунтов. Это потребовало от группы, которая существовала пока лишь как товарищество единомышленников, создания юридического лица, учитывая постоянное расширение деятельности с тем, чтобы было можно законно управлять финансами и недвижимостью.

На практике после этого ничего не изменилось в их жизни. У них по-прежнему не было иерархии, не было членских списков, ничего специального или сектантского. В Оксфордскую группу или в ее продолжение — Движение за Моральное Перевооружение Европы — нельзя было “вступить”, как в клуб или иное общество и соответственно нельзя было его “покинуть”. Участие определялось лишь тем, может ли человек поверить свою жизнь Всевышнему. Таково положение и по сей день.

СУДЬБА ГЕРМАНИИ

Эпицентром замлетрясения в Европе была Германия. Из поражения в войне, депрессии конца двадцатых годов, ошибки Версальского договора и интенсивного расслоения буржуазного мира выросла гидра национал-социализма. Государственные деятели и рядовые люди были под впечатлением наведенного порядка, контроля за безработицей, за инфляцией и коммунизмом. Жестокость нацистского режима еще не показала свое истинное лицо. В 1936 году Ллойд Джордж называл даже Гитлера “немецким Джорджем Вашингтоном”. В июне 1939 года, через несколько месяцев после Мюнхенского соглашения, Уинстон Черчилль высказал надежду, что Гитлер будет проводить политику мира и терпимости.

Бухман полюбил Германию еще в детские годы. У него были друзья среди ведущих деятелей Церкви и политиков. И он был весьма озабочен складывающейся ситуацией и теми бедами, которые грозят Европе от тоталитарного режима Германии.

Собрание в 1929 году было специально посвящено созданию многочисленных групп в Германии. Немцы приняли активное участие в деятельности Оксфордской группы. Некоторые из них путешествовали по Америке вместе с Бухманом. Фердинанд Лаун выпустил свою первую книгу о работе в Германии: “Водительство Божие. Свидетельство современника”.

В 1932 году некоторые из друзей Бухмана пытались организовать ему встречу с Гитлером. Один из сыновей кайзера, который работал вместе с Геббельсом, был весьма озабочен укрепле-

нием своей собственной позиции, и он опасался, что под влиянием Бухмана нацистское движение сдаст свои позиции; он издал распоряжение: "Ни под каким видом не допускать встречи фюрера с Бухманом". Но это не могло удержать Бухмана от контактов с множеством других людей. Он чувствовал, что судьба Европы зависит от того, произойдет ли духовный сдвиг во многих областях жизни. Это — единственная сила, которая могла бы изменить ход истории.

Некоторое время было ощущение, что еще можно что-то исправить, но очень скоро стало ясно, что нацизм и идеи Фрэнка Бухмана несовместимы. Членам партии и военным было запрещено всякое взаимодействие — активное и пассивное — с движением Бухмана. Запрет скоро был распространен и на гражданское население. Епископ Дитцфельбиндер, глава Евангелической Церкви в Германии, описывал в 1971 году, как они собирались на встречу в Гармише; как только они прибыли туда, полиция выдворила их обратно. В 1942 году в гестапо выпустили специальный обзор для внутреннего пользования "Движение Оксфордской группы". Это был документ на 126 страницах. Речь шла о твердой оппозиции движения национал-социализму: "Они призывают своих членов встать под власть христианского креста против креста свастики".

Бухман, посетивший Германию в 1936 году, в год Олимпийских игр, поделился потом с друзьями: "В воздухе пахнет войной". Один из американских журналистов спросил его: "Можно ли изменить диктатора?". Довольно подробный ответ был продиктован той скорбью, которую Бухман испытывал из-за преследования евреев, и его верой в исцеляющую силу креста. Журналист же истолковал мысль Бухмана так, что он якобы благодарит небо за человека, подобного Гитлеру, за то, что его режим служит надежной защитой от антихриста коммунизма. Бухман решил дать опровержение. Он объяснил своим друзьям, что подвергся таким нападкам из-за одной фразы: "Диктатор, ведомый Богом, может изменить ситуацию за одну ночь"... И он добавил затем: "Это отнюдь не означало, что я за диктатора. Но я не могу отказать ни одному человеку в возможности измениться".

"В жизни есть только два фронта — позитивный и негативный — те, кто послушны Богу, и те, кто противятся Его воле. На негативном фронте зловонное дыхание дьявола — будь то коммунизм или фашизм, или то, что мы имеем во многом в Англии и в Америке. Я могу и сам становиться временами его частью. Позитивный фронт — это послушание Божьей воле. Для меня неважно, сколько бы преследований ни ожидало меня впереди, главное — провести эту обоюдоострую линию послушания Богу и вызова миру зла, иначе мы пропали".

Самая лучшая характеристика целей Бухмана во времена Третьего рейха представлена в отчете Гимmlера от 15 февраля 1938 года: "Движение Оксфордской группы представляет собой новую попытку мирового христианства осуществить прорыв заповедей Христа в каждодневную жизнь".

ОТВЕТ НА КРИЗИС

МОРАЛЬНОЕ ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ

Весной 1938 года Бухман отдыхал в Фрейденштате. Однажды он шел через лес, и ему пришла в голову такая мысль:

"Мир на грани хаоса. Все, кто хотят мира, готовятся к войне". "Моральное и духовное перевооружение. Новое движение в мире — будет движением морального перевооружения наций".

Нужно было еще некоторое время для подготовки к воплощению этой идеи, нужен был некий импульс извне. Бухману было нелегко в ситуации неадекватной, ханжеской реакции людей перед лицом катастрофы. Забота о личном благополучии вытеснила заботу о мире.

Один известный шведский публицист социалистического толка ознакомился с посланием Оксфордской группы к сталелитейщикам. И когда его попросили предложить тему для специальной шведской странички в иллюстрированном "Райзинг тайд", он сразу же вспомнил о мировой популярности шведской стали в военной промышленности и предложил такую тему: "Швеция — спасительница наций. Мы должны морально перевооружиться".

В марте этого же года (1937) Папа Пий XI в своей энциклике *Divini Redemptoris* написал такую фразу: "В наше время раздаётся всеобщий настоятельный призыв к духовному перевооружению — и это правильно".

Понятие "моральное перевооружение" — противоположность военного перевооружения. "Моральное" в данном случае подразумевало не только этический уровень, но гораздо в большей степени духовный, в противовес сугубо материальному. Первоначальная фраза звучала именно как "моральное и духовное перевооружение" и только для краткости в дальнейшем использовалась как "моральное перевооружение". Это приводило к тому, что некоторые люди воспринимали движение как надоевший морализм, и он их отталкивал. Но даже такая интерпретация в современной ситуации этического хаоса — не бесполезная вещь.

Весьма знаменательно, что первая программная речь Бухмана о Моральном Перевооружении была произнесена 29 марта 1938 года в Ратуше восточной части Лондона — колыбели британского лейбористского движения. И поскольку Бухман был связан с этим движением, его заботило подлинное достоинство труда. Он неустанно повторял: "Труд по воле Божьей выведет мир к свету".

В своей знаменательной речи Бухман впервые коснулся вопроса о тревогах, которые вызывает современное состояние общества. Он задал вопрос: "Есть ли такое средство, которое могло бы исцелить человека в отдельности и целые нации, которое бы давало надежду на скорое и явное исцеление?"

"Исцелением могло бы быть возвращение к простым истинам, которые многие из нас узнали еще сидя на коленях у матери, которыми мы пренебрегли, которые мы забыли — честность, чистота, бескорыстие и любовь".

"Переживаемый кризис по сути является моральным. Нации должны перевооружиться морально. Нужна сила достаточно могущественная, чтобы изменить человеческую природу, чтобы перекинуть мосты взаимопонимания между человеком и человеком, одной группой лиц и другой. Можно начать с того, что все мы прежде всего признаем свои ошибки, а не ищем недостатки других".

"Только Бог может изменить природу человека. Секрет заключается в одной забытой истине — Бог говорит, когда человек слушает. Бог говорит, когда человек слушается. И если меняется один человек, то постепенно меняется и целая нация. Представьте себе ситуацию, когда все будет у людей поровну, будет ли людям этого достаточно? В мире хватает всего ровно настолько, чтобы удовлетворить нужды людей, но этого недостаточно, чтобы насытить жадность каждого. Мы еще не открыли Божественный источник творческих сил..."

Все эти истины люди постигают кровью и потом. Сегодня понятие "партнерство" у всех на устах. Уникальность Бухмана заключается не только в том, что он облек его в такую доступную форму еще перед войной, но и в том, что он показал единственный путь к его достижению, а именно изменение человека. И это не повисло в воздухе.

Трудности возникали и у сподвижников Бухмана. Тем, кто останавливался на полпути, он говорил довольно суровые слова. На встрече, которая произошла на развалинах католического храма старинного ганзейского города Визби (в Швеции, на острове Готланд) он сказал: "Я очень надеюсь, что когда я закончу говорить, вы примете наконец решение. Мы собрались здесь, и у всех у нас реальные цели. Одни из вас хотят измениться. Это очень важно, и

это замечательно. Другие же хотят научиться изменять других. И это нужно.

Но беда в том, что некоторые из них хотят лишь этого и ничего другого. Для них этого достаточно. Меня же заботит еще и третье — как спасти рушащуюся цивилизацию. Это меня весьма занимает. И четвертое — я хочу достучаться до сердец миллионов..."

"Меня не захватывает идея пробуждения...С каким бы серьезным политиком вы ни поговорили, он обязательно скажет вам, что стране необходимо моральное и духовное пробуждение. Пробуждение — новый образ мысли. Но остановиться на этом может только неполноценная мысль. Если мы не придем к высшему, мы мало чего стоим.

Следующая ступень — это духовный переворот. Призыв к нему раздражает. Большинство христиан не любят реальности. Она их пугает. У них появляется от этого гусиная кожа. Большинство из тех, кто нас критикует, — это христиане с гусиной кожей, кабинетные христиане...

Следующая ступень — возрождение. Возрождение народа... Я могу пообещать вам одну вещь. Я не намерен поворачивать назад, не взирая ни на кого, чего бы это мне ни стоило. Если хотя бы на минуту представить себе Распятие Христа, если мы не покинем Его в час распятия, мы должны идти дорогой Креста".

Из этих слов очевидно, что Бухман понимал проповедь как "пропаганду" в собственном значении этого слова, как распространение веры среди язычников (ср. устаревшее русское: "поганый" в смысле "языческий" — перев.).

Сегодня, когда люди устали от пропаганды со всех сторон, мы можем учиться у Бухмана.

Осенью 1938 года, когда казалось, что война уже неминуема, в Интерлакене состоялась первая Международная Ассамблея движения Морального Перевооружения. Молодой швейцарец спросил Бухмана, можно ли предотвратить как-нибудь войну. "Этого я не знаю, — ответил Бухман, — но я знаю, что если в каждой стране будет по пятьдесят человек, абсолютно преданных Богу, мы сможем вытянуть эту ситуацию". В Интерлакене Бухман произнес несколько своих самых важных речей, каждая из которых отвечала на злободневные вопросы современности. Весьма показателен и тот факт, что в 1938 году он произнес за шесть месяцев двенадцать основополагающих речей, хотя обычно он произносил их один—два раза в год.

Выступая второго сентября, он спросил, указывая на облака на альпийских вершинах: "Что может разогнать тучи, нависшие

над Юнгфрау в эти зловещие дни? Кажется, что эти горы отражают настроение обеспокоенной Европы"...

"Что же обеспечило Оксфордской группе такой успех во многих странах? Умение подобраться к самой сути проблемы — внутреннему изменению человека.

Мы поставили себе сложную задачу — ликвидировать тот счет страха и горечи, который растет день ото дня. Обстоятельства против нас, но так же как отдельный человек способен выбраться из темницы сомнений и поражений, и целые нации могут выбраться из темницы страха, обиды, зависти и депрессии, и иногда благодаря одному просветленному человеку и сильному пророку. Как часто такое совершалось в истории! Если это может один человек, то как же может измениться общественное мнение всей нации, если образуется целая группа людей просветленных?"

Он говорил об атмосфере, в которой жили люди. Он сам чувствовал беспокойство и угнетение, как будто тяжелый груз давил на плечи все сильнее и сильнее. Но сквозь мрак пришло новое вдохновение. Утром он рассказал друзьям, что почувствовал, как с его плеч свалился тяжелый груз. И тогда он задумал пророческую речь — "Послушание или враждебность".

"Мир стоит на перепутье. Что предпочесть: послушание или враждебность? Должны ли мы вслушиваться в волю Божью или в грохот орудий?..

Современная политика совсем не учитывает давно забытый фактор — послушание водительство Божьему. Да, в странах существуют законы. И если заглянуть в свод законов, там есть такие слова: "в соответствии с волей Божьей". Предположим, что каждый человек осуществит моральное перевооружение в соответствии с волей Божьей. Подумайте, какая это будет могучая сила!

Духовная сила по-прежнему самая могущественная в мире". Бухман говорил так, что многие, кто его слышал, были буквально потрясены. Казалось, что открылось новое направление истории. Последняя, третья речь, произнесенная в Интерлакене, называлась "Человечество на перепутье". Она начиналась с таких слов: "Сегодня утром я наблюдал, как рассвет озарил Юнгфрау, как Альпы осветились с началом нового дня. В Европе и во всем мире новый день начнется с Божественного света, или это будет угасающий свет гнущейся цивилизации. Мир стоит перед лицом исторического выбора".

БУРЯ

4 марта 1939 года Бухман отплыл в Америку, намереваясь провести там несколько месяцев. Но он прожил там целых семь лет.

По прибытии в Нью-Йорк ему показалось, что он высадился на другую планету. "Америка не понимает, что это значит, когда линия фронта проходит через твой собственный двор, — делился он со своими друзьями. — В Лондоне это понимают. Там прорыты траншеи в центре Сэнт Джеймс Парка. Вы говорите о мире, но это эгоистический мир; никакой борьбы за преобразование нации. Сегодня утром я проснулся с мыслью, что призыв к преобразению надо распространить по всей стране. Это потребует от нас больше, чем мы можем себе представить".

В начале апреля три известных в Нью-Йорке леди сняли Мэдисон Сквер Гарден для проведения там митингов. В зал в сопровождении шотландских волынщиков устремились четырнадцать тысяч человек во главе с Людоном Гамильтоном, одетым в шотландский национальный костюм. Через три недели спустя подобный митинг состоялся и в Вашингтоне в Конституционном зале, на котором Гарри Трумэн, тогда еще малоизвестный сенатор, зачитал приветствие от президента Рузвельта. А в июле состоялся самый многочисленный митинг в Лос-Анжелесе, когда в Голливуд Боул прибыло тридцать тысяч человек, а еще пятнадцать тысяч вынуждены были разойтись по домам, так как им не хватило места. Яркие лучи четырех мощных прожекторов осветили в ночном небе над громадной открытой ареной символы четырех моральных принципов.

Во время подготовки к этим событиям Бухман поделился тревогами:

"Америка любит комфорт и избегает ответственности. У нее нет чувства опасности. Перед нами стоит очень сложная задача. Люди не понимают. Это похоже на ситуацию, когда кони привязаны, и вы садитесь и пытаетесь ехать, не отвязав их, и у вас ничего не выходит. Если вы будете заботиться о том, что о вас подумают люди, у вас ничего не получится".

Он сослался на любимое место из Библии — Послание к Римлянам, глава 12, подчеркнув разницу между "преобразованием" и "сообразностью". "Сообразующиеся с веком сим" разрушают все. "Преображенные" изменяют мир. "Подумайте о пути Церкви, о пути нации. Беда большинства американцев в том, что они не хотят идти с кем-либо рядом. Каждый хочет иметь свой частный плацдарм.

Некоторым из вас придется поступиться привычными удобствами. Это необходимо, если вы хотите вдохновить нацию".

Тем временем в Европе разразилась буря. Гитлеровские бомбардировщики атаковали Польшу.

Бухман по собственной инициативе провел серию радиопередач в конце августа 1939 года. Первая называлась "Забытый фактор". В последней, которую он провел в день своего рождения, 4 июня 1940 года, процитировал слова Вильяма Пенна: "Люди должны избрать водительство Божье, в противном случае они обрекают себя на тираническое управление". Он напомнил своим слушателям то, что так хорошо знал Авраам Линкольн — что такое водительство Божье. Линкольн писал: "Если бы не моя твердая вера в водительство Провидения, мне было бы чрезвычайно сложно при таких запутанных обстоятельствах сохранить трезвость мысли. У меня было столько доказательств водительства Божьего, что я уже и не сомневался, что эти силы даны мне свыше. Я весьма рад тому, что когда Всемогущий хочет, чтобы я совершил то или иное действие, Он всегда находит возможность оповестить меня об этом".

"Отцы—основатели знали, что означает водительство и послушание, — заключил Бухман, — они положили это в основание Декларации о Независимости, когда начертали, "С твердым упованием на защиту Божественного Провидения, все мы отдаем в залог свои жизни, свое состояние и свою священную честь". Так они создали нацию. Сегодня мы нуждаемся в духовном возрождении, если мы в свою очередь хотим объединить народы".

УХОД ОТ МИРА И ВОЗВРАЩЕНИЕ К МИРУ

По теории Арнольда Тойнби, мировая история развивается поэтапным чередованием ухода от мира и возвращения к миру.

Поражение Франции под немецким натиском, торжество "блицкрига" наводило Бухмана на мысль, что наступило время сместить акцент в своей деятельности с широты на глубину.

Летом 1940 года он убедил нескольких своих близких сподвижников провести некоторое время в тишине на озере Тахо высоко в Сьеррах на границе между Калифорнией и Невадой. Один его друг предоставил свой коттедж в их распоряжение, и хотя там было не слишком просторно, это была замечательная возможность пожить всем вместе. То было время тишины и размышлений после их кочевой жизни в отелях и в суеде больших городов.

Они разделили поровну все домашние обязанности, сами готовили, у каждого был свой фронт работ. А потом у них было время для совместных бесед на солнышке на берегу озера.

Подобная жизнь была весьма привлекательной и для других. Все больше и больше людей приезжало, чтобы присоединиться к ним. Пришлось подыскивать им жилье по-соседству. Некоторые жили в палатках. Один бывший торговец контрабандным спиртным, обращенный Бухманом, отдал в их распоряжение свое старое казино на пирсе у озера.

Казалось почти невероятным то, что сколько бы людей ни приехало, для каждого находили ночлег.

Лето, проведенное на берегу Тахо, помогло Бухману и его команде нащупать новую интерпретацию своей миссии, проникающей в любую сферу жизни. Для всех находилось место — для бизнесменов, рабочих, домохозяек.

Бухман посвящал своих друзей в глубины своей веры. Он часто цитировал свои любимые места из Ветхого и Нового Завета или из гимнов, или из поэзии Уэсли. Строки из его "Иисус, возлюбленный, моей души" надолго стали знаменательными и для его команды. Там есть такие слова:

*"Повели текущим струям
Сердце мне до дна промыть"*

И еще:

*Ты даешь мне годы, Боже.
Сам я беден и ничтожен.
Припадая ко Кресту,
Дать могу лишь нищету.
Сам я наг, но ты мне платье,
Ниспошли мне благодати!
Я нечист, Спаситель мой,
Сердце мне до дна промой!"*

Бухман считал это лучшим, что сказано на английском языке. Он также любил 12-ю главу Послания к Римлянам, о которой упоминалось выше, и весьма важное место из 3-й главы Послания к Ефессянам, стих 20 и 21. Вы можете спросить, почему именно эти строки? Как же Бухман их интерпретировал? Что это для него значило? И о чем это говорит нам сегодня?

"Тому, Кто, действуя, может дать несравненно больше всего, что мы просим, или о чем помышляем, Тому слава Церкви во Христе Иисусе во все роды, от века до века. Аминь". Что это значило для Бухмана, мы можем узнать из записи, сделанной на доске по особому случаю:

*"Бог через Иисуса Христа может сделать для Вас
Все, что Вы пожелаете, все, о чем помыслите —
Бесконечно более, чем все,
О чем Вы просите или думаете!"*

Такое, можно сказать, графическое построение этого текста свидетельствует о динамике движения мысли Бухмана к единственной точке — непостижимому действию Бога в человеке, которое превышает все его представления и стремления.

Что для нас абсолютно ясно, так это то, что во времена, когда Ницше, поддерживаемый, с одной стороны, Марксом, с другой, Фрейдом, резко заявил на весь мир, что Бог умер, а вера человека — лишь знак его слабости и беспомощности, вера Бухмана была живым чувством полноты бытия, символом новой эры творческих открытий.

В совместной жизни на озере Тахо были открыты новые духовные источники, и это дало новую глубину самопознания и служения ближним. Сложны были новые песни. Небольшие сценки, поставленные к отмечаемым дням рождения или по иному торжественному поводу, подтолкнули Алана Торнхила, бывшего преподавателя в Оксфорде, написать целую пьесу. Он прочел первый акт своему соседу по комнате — теннисисту Банни Остину, тому понравилось. Поддержанный Остином, Алан к концу следующего дня дописал пьесу целиком. Это был первый вариант драмы "Забывтое значение", которая в последующие годы оказала такое большое влияние в мире. В пьесе нашел отражение тот опыт, который получили Бухман и его друзья за долгое время общения с промышленниками.

Чем более сплоченной становилась команда Бухмана, тем больше была их готовность к общественной деятельности.

Америка еще не вступила в войну, но все больше и больше готовилась к ней. За время пребывания на Тахо был написан буклет "Ты можешь защитить Америку". Он был напечатан миллионным тиражом и вышел одновременно с одноименным музыкальным шоу, перед которым выступал генерал Першинг, главнокомандующий Америки во время первой мировой войны.

Это было началом широкомасштабной кампании. С тихих берегов Тахо шла духовная волна. Была поставлена колоссальная задача. Америка готовилась только к обороне. Люди были пассивны. Нужно было произвести шок, чтобы мобилизовать волю людей к действию.

Решение поставить на сцене театрализованное обозрение "Ты можешь спасти Америку" превратило команду Бухмана в театральную труппу. Из разных городов стали поступать многочисленные заявки. Началось гастрольное турне. Мелодии пьесы распро-

странялись от края до края страны, принося мгновенные отклики десятков тысяч людей, собравшихся на спектакли (места были стоячие, чтобы вместить всех желающих).

Отклики были совсем не одинаковые. В некоторых местах были предприняты попытки сорвать спектакли. Но они не удались.

Борьба приняла новый оборот после японской атаки в Пирл Харбор 7 декабря 1941 года, когда Америка вступила в войну. Пригодные к службе мужчины были мобилизованы. Встал вопрос о призыве и для членов команды Бухмана, хотя определенные группы населения, чья деятельность была важна для национального благосостояния, освобождались от военной службы.

Противники Бухмана воспользовались ситуацией, чтобы нанести удар. Была развязана кампания клеветы в Америке и в Англии. Высказывания Бухмана, вырванные из контекста, извращенные до неузнаваемости, использовались как оружие против него. Вся эта буря не поколебала веры Бухмана. Он был глубоко убежден в том, что духовная целостность нации — это единственный залог победы на фронте или в борьбе за переустройство мира.

Неожиданно у Бухмана появились и новые сильные союзники. Одному весьма высокооплачиваемому политическому обозревателю "Дейли экспресс", которого все побаивались, Питеру Говарду поручили провести журналистское расследование секретов так много обсуждаемого Морального Перевооружения. И тут произошло нечто совершенно непредвиденное. Под впечатлением встреч с друзьями Бухмана Говард испытал внутренний переворот. Он услышал внутренний голос, хотя и не верил в Бога. Этот опыт полностью изменил его жизнь. Она начал писать книгу "Невинные люди" в защиту своих новых друзей; тогда руководство газеты предложило ему на выбор — либо оставить свою затею, либо уйти из газеты. Он ушел из газеты. В результате Бухман обрел одного из самых сильных своих товарищей по оружию.

БУХМАН НА ГРАНИ СМЕРТИ

Между тем, треволения не прошли даром. У Бухмана случился тяжелейший приступ, поставивший его на грань смерти. Это случилось в ноябре 1942 года в Саратога Спрингс, куда он приехал на несколько дней отдыха. Известие о его безнадежном, с точки зрения докторов, положении, о том, что он лежит без сознания, парализованный, было как гром среди ясного неба для его друзей во всем мире.

Перед ближайшими соратниками моментально встал вопрос: "Что же будет дальше?", "Кто будет исполнять начатую рабо-

ту?". Те шесть человек, которые собрались у его одра, были из числа тех, кто посятил свою жизнь полностью общему делу. Они мужали в многолетней борьбе, и теперь любой из них мог бы быть лидером.

И вдруг они вспомнили, как Фрэнк Бухман говорил: "Большинство людей ждут, когда появится сильный лидер. Мы же считаем, что миру нужен не один сильный лидер, а группа людей, которые научились совместному труду под руководством Божьей воли".

Пришло время словам Бухмана сбыться. Эти шестеро стали сплоченными как никогда. Каждый был готов сражаться еще самоотверженнее за общее дело, каждый готов был проявить инициативу и подчиниться доброй инициативе других. Так было положено основание для дальнейшего развития нового мощного духа.

Чудесным образом Бухман медленно выздоравливал. Покуда он был без сознания, он слышал имена своих друзей, производимых шепотом то ближе, то дальше. Он начал медленно поправляться месяц за месяцем. Вскоре он начал вставать, но с той поры прихрамывал и не владел правой рукой. Ему еще долго приходилось соблюдать постельный режим, и он нуждался в уходе. Но его дух был не сломлен, а сознание было более ясным, чем когда-либо.

Тем временем волна вдохновения от постановки "Ты можешь защитить Америку" распространилась и на другие страны, там были поставлены спектакли "Объединим Канаду", "Общая битва за Британию", "Сражение за Австралию".

В период своей болезни и беспомощности Бухман сделал открытие, которым он смог поделиться летом 1942 года на Конференции движения за Моральное Перевооружение, которая состоялась на острове Мэкинау:

"Это был удивительный год. Я чувствую, у Бога большие планы на будущее. Я устремляюсь вперед с твердой уверенностью, что что-то более значительное должно свершиться. Мы должны готовиться к этому. И я не должен ни о чем беспокоиться. Я ложусь спать. Я просыпаюсь рано. Сегодня я проснулся в половине четвертого — это час, когда я родился. Совершенно новые вещи обрели большое значение, а то, что было значимым раньше, потускнело и стерлось. Бог послал мне тромбоз, чтобы я научился двигаться медленнее. Я благодарен Ему за тот опыт, который получил за прошедшие во время болезни шесть месяцев, и я благодарен за грядущее будущее. Это замечательно — почувствовать себя снова здоровым, но, может быть, я должен научиться еще больше меняться, чтобы продолжить начатое дело. Если бы мне дано было

начать жить сначала, я бы старался делать только то, что имеет абсолютное значение".

ДОМ НА ОСТРОВЕ И ГОРНЫЙ ДОМ

ДОМ НА ОСТРОВЕ

Когда Бухман со своей группой прибыли в Детройт в 1942 году, их пригласил к себе Генри Форд. Семья Форда была из числа давних друзей Бухмана. Форд никогда не давал ему денег, но весьма высоко ценил деятельность Бухмана и время от времени советовался с ним по своим личным проблемам. На вечеринке, устроенной в честь 65-го дня рождения Бухмана, миссис Форд проявила беспокойство по поводу усталого вида именинника и предложила организовать его отдых на острове Мэкинау, где весьма мягкий климат, это в трехстах милях к северу от Детройта, на стыке озер Мичиган и Гурон. Она лично договорилась с владельцем Гранд Отеля на острове по поводу апартаментов для Бухмана. Форды тогда и не догадывались даже, что эти их хлопоты послужат новому повороту в деятельности движения в Америке и в мире.

Летом 1942 года Международная Ассамблея за духовное и моральное перевооружение впервые состоялась на острове Мэкинау.

В знак благодарности за бескорыстное служение штат Мичиган предложил Бухману и его соратникам использовать старый отель, который назывался "Дом на острове", за символическую арендную плату — один доллар в год. Это был выкрашенный в белый цвет дом, выходящий прямо на синюю гладь озера, с четырьмя высокими колоннами справа от входа. Из-за войны он стоял пустым и заброшенным и слегка обветшал. Его нужно было немного подремонтировать.

Шла война, и сюда не могли приезжать в достаточном количестве гости из-за границы, за исключением только некоторых военных из союзных войск, которых посылали служить в Америку или в Канаду. И тем не менее удавалось собирать весьма разнообразную аудиторию — крупные фигуры в политике, производстве и культуре, молодежь; значительную роль играли рабочие.

Весь дом в распоряжении команды Бухмана, и жизнь была организована в стиле озера Тахо; это придало конференции особую атмосферу. Утро было свободным и использовалось по личному усмотрению. Семьи, включая детей, завтракали у себя. В 11 часов проходило первое и часто единственное собрание — тренинг.

Снова собирались все вместе только к чаю, это было время знакомств с вновь прибывшими и прощального слова уезжающих.

Новым в этой совместной жизни было то, что все хозяйственные работы — готовка, чистка овощей, уборка, стирка, глажение, штопка, ремонт, украшение помещений, уход за больными, походы в магазин, размещение приезжающих, секретарская работа, почта, телефон, комната для журналистов, транспорт, счета, финансы, дневной распорядок — короче все, из чего состояла каждодневная жизнь, обеспечивалось самими участниками конференции, кем-то одним или целой группой, ответственной за свой участок работы. Для того, чтобы отладить механизм такой жизни, требовались силы, мужество и вдохновение, но это была уникальная возможность нового типа совместной жизни.

Итак, конференция не была обращением лишь к возвышенным идеям, после которых люди вынуждены спускаться на землю, это была возможность решать реальные проблемы, с которыми человек сталкивается и дома. Нельзя отрываться от реальных нужд и проблем человека, уходя от жизни в теоретические дискуссии. И когда люди исполняли конкретную практическую работу, им приходилось сталкиваться с трудными ситуациями и заданиями, часто с трудными людьми. Во взаимодействии с людьми, такими, какие они есть в обыденной жизни, представляется замечательная возможность сверхобыденному прорасти сквозь обыденное.

В людях просыпался творческий дух. Были написаны новые песни, создан хор под руководством очень подвижного и живого шотландского композитора Георга Фрезе, который вскоре добился высокого исполнительского уровня.

Была поставлена пьеса Алана Торнхила "Забытое значение", написанная на озере Тахо. Премьера состоялась в Национальном театре Вашингтона, а затем эта пьеса обошла всю Америку и другие континенты.

Бухман, несмотря на подорванное здоровье, был опять в авангарде событий. Всегда чуткий к происходящему в мире, к тому, что грядет в будущем, он чувствовал, что значит для мира формирующаяся идеология, и искал противовесы идеологическому злу. В июле 1943 года на конференции в Мэкинау он смог сделать впервые после болезни доклад на тему "Война идей". Там он коснулся развития в мире коммунизма и фашизма. Он задался вопросом, что же обуславливает возникновение таких идеологий, и так на него ответил: "Материализм — колыбель всех "измов". Он вопреки христианскому духу вскармливает коррупцию, анархию и революцию. Он восстанавливает человека против человека, класс против класса, разделяет нации изнутри. Материализм — главный враг демократии." И потом добавил со свойственным ему критицизмом: "Дух

материализма проник и в Америку. Подумайте о том, как Америка разрушает себя тем самым, что отвергает в других... До тех пор, пока Америка не воспрянет, нас ждет ничто иное, как хаос."

4 июня 1945 года он вновь возвращается к теме идеологии, но в позитивном смысле:

"Нам нужно создать идеологию достаточно объемную, достаточно полную, чтобы побеждать другие, разрушительные идеологии.

Когда Святой Дух заживет в сердцах людей, тогда мы сможем построить новый мир, к которому так все стремимся".

На Ялтинской конференции в феврале 1945 года союзники договорились со Сталиным о разделе мира; враждебный дух проложил себе путь в центр Европы. Была достигнута договоренность о следующей встрече в Сан-Франциско в апреле. За два месяца до этого, ни о чем не подозревая, Бухман, ведомый внутренним голосом, решил снять театр в Сан-Франциско для представления пьесы "Забывшее значение". Таким образом, делегаты конференции могли ее посмотреть. Многие из них приходили, знакомились с Бухманом и его друзьями, с некоторыми завязалась длительная дружба. Так Бухман познакомился с министром иностранных дел Ирака, доктором Ямали. Позднее, в 1955 году, он сыграл решающую роль в Бандунге, на первой конференции неприсоединившихся стран.

Это было во время конференции на Мэкинау, когда, в августе 1945 года, была сброшена атомная бомба на Хиросиму, а через три дня на Нагасаки. 2 сентября Япония капитулировала.

Бухман выразил в своей речи общую жажду получить ответ на произошедшее: "Мы вошли в эру атомных бомб, это совершенно новая эра, и мы теперь должны продумать свое послание миру, сообразуясь с тем, что случилось. Нам нужно создать что-то радикально новое, настолько, что многим это будет трудно понять. Это сила Святого Духа — вот какова духовная атомная бомба. Это основание боговдохновенной демократии."

По специальному распоряжению генерала Маршала нескольких соратников Бухмана, находящихся на воинской службе, демобилизовали в ноябре 1945 года. Бухман встречал их в аэропорту Лос-Анжелеса. Они привезли с собой все деньги, которые удалось собрать во время прохождения службы, чтобы вложить их в общее дело.

Бухман был весьма озабочен судьбою Европы, его занимал вопрос о том, какой путь национальные правительства изберут, пережив такое потрясение самих основ жизни.

Он собрал своих друзей на ранчо под Лос-Анжелесом, чтобы поделиться своими соображениями на этот счет: "Вы долж-

ны перевернуть правительственную философию. Вы должны обратить государственных деятелей на правильный путь, воплощая в жизнь наши идеалы." "Труд под водительством Божиим приведет непременно к миру. В противном случае материализм Маркса одержит верх. Он наступает на дух Христа. Но однажды, возможно, вы будете работать в Москве. Мы должны быть к этому готовы."

Вскоре он почувствовал необходимость лично отправиться в Европу в сопровождении 150 наиболее подготовленных соратников. Накануне своего отъезда он говорил своим слушателям: "Вот и прошли эти семь лет — удивительных лет. Мы многому научились. Мы должны позаботиться о том, чтобы каждый из нас воспринял весть Христа, открытую нам... Революция Креста — вот что может спасти мир. Это единственная надежда. Единственный наш ответ. Идите, объединенные этой вестью, и вы спасете мир."

НОВЫЕ СОЮЗНИКИ В ШВЕЙЦАРИИ

Когда началась война, друзья Бухмана в Швейцарии стали работать сразу в нескольких направлениях. Некоторые были мобилизованы. Многие ретировались. Но осталась сплоченная группа верных. Они собирались в одном отеле в Берне, основав там центр Морального Перевооружения в Швейцарии. Их основная задача заключалась в том, чтобы обеспечивать связи с теми, кто трудился в разных странах, снабжая их литературой и свежими новостями.

Они были свидетелями того, как посеянное Бухманом давало всходы, принесило плоды иногда в совершенно безнадежных ситуациях.

Один молодой человек, бывший участник конференции в Интерлакене в 1938 году, писал своему отцу незадолго до своего расстрела: "Оборачиваясь назад, я испытываю благодарность к Богу за то, что он так устроил мою жизнь. Вскоре я буду счастливее тебя, счастливее всех вас. Не печальтесь обо мне, порадитесь за меня... Я молюсь о том, чтобы вы могли принять мою смерть без скорби и бунта, чтобы это вдохновило вас отдать все силы общему делу, к которому нас призывает Бог, всех по-разному."

Другой человек писал из концентрационного лагеря: "И даже в концлагере, где каждый борется за свое существование и часто за счет других, можно чувствовать себя абсолютно счастливым, когда отрешаешься от мелкого эгоизма. Это очень трудно, особенно здесь, и мне часто это не удается. Но я твердо знаю, если я начинаю свой день с мыслью о других, я действительно могу что-то для них сделать."

Еще один заключенный писал: "Я всегда так рад известиям от вас. Это единственное, что поддерживает меня и помогает мне молиться по-настоящему... Вы, швейцарцы, как граждане нейтрального государства, можете в эти страшные дни нести духовный свет, который позволит народам, когда война будет окончена, вести диалог".

Группа в Берне работала не только на военную, но и на послевоенную ситуацию.

Бухман был постоянно с ними в контакте. Он даже сумел во время войны пригласить одного франкоязычного швейцарца вместе с женой в Америку. Этот человек работал в министерстве иностранных дел и, пользуясь связями одного немецкого товарища, которого, к сожалению, после покушения на Гитлера казнили, мог беспрепятственно ездить по Европе. Ему вместе с женой удалось добраться до Португалии, и оттуда перебраться в США.

Во время пребывания на острове Мэкинау супруги получили сильный заряд духа. Это было подлинное вдохновение свыше, а не просто пропаганда Бухмана, и это дало им вместе возможность выстоять силой Креста. Этот честлюбивый молодой швейцарец, у которого впереди была дипломатическая карьера, открыл для себя, что именно потеря духовного смысла была той единственной причиной, по которой он искал утешения во внешней деятельности. Он и его жена обрели для себя новую жизнь, новый дух и новую любовь.

В то лето конференция швейцарской группы проходила в Бернских Альпах. Это было знаменательным событием для обретения единства и вдохновения. И неожиданно пришла телеграмма с приглашением группы верных в Америку. Шестеро из семи тут же собрались.

ГОРНЫЙ ДОМ

Швейцарцы, вернувшиеся из Америки, были потрясены открытостью Бухмана к сдвигам во всем мире. Это заражало, требовало личного изменения, укрепляло и вдохновляло на предстоящую борьбу.

Они вернулись с конкретными планами. В знак благодарности за то, что их страна уцелела от разрушений, не участвуя в двух мировых войнах, они решили сделать Швейцарию местом, где могли бы мирно встречаться представители всех наций мира. Бухман когда-то сказал в своем обращении в Цюрихе: "Я вижу возможность для Швейцарии стать миротворцем всех наций."

И они начали подыскивать дом — вместительный и красивый, чтобы можно было там принимать гостей всего мира.

Высоко над восточной оконечностью Женевского озера между Альпами и горами Юра расположено здание большого отеля. Оно было построено в начале века, незадолго до первой мировой войны, его архитектура выдержана в стиле того времени — множество башенок и бельведеров. Оно предназначалось для приема известных людей, приезжающих из разных мест. Поколение, выросшее между двумя мировыми войнами, не нуждалось в нем. И туристический бизнес во дворце Ко отнюдь не процветал. В конце концов он отошел в собственность банка, который представлял здание по просьбе властей для размещения там беженцев и интернированных лиц из разных стран.

После войны одна французская компания проявила интерес к зданию. Они собирались в дальнейшем его демонтировать. Но в это время появилась та группа молодых швейцарцев. Дом был как раз тем, что им было нужно. Трудность была в том, что здание, обстановка и прилегающая земля стоили гораздо больше, чем они могли заплатить. Банк приветствовал такое использование здания, но требовал быстрого оформления сделки. И тогда несколько молодых пар сложились и заплатили первый взнос, вложив почти все свои сбережения. Затем они собрали на совет всех тех, кто смог откликнуться, и вскоре собралось еще несколько сот людей, которые могли позволить себе подобные пожертвования. Те, кто не смог вложить деньги, занялись ремонтом здания.

Итак, летом 1946 года "Горный дом" в Ко, подобно "Озерному Дому" на Мэкинау, был предоставлен в распоряжение Бухмана для конференций.

Началась широкомасштабная деятельность. Вернулись из армии многие молодые соратники Бухмана. Они немало пережили и понимали, что на людей обрушатся и не такие беды, если не построить альтернативный мир. Они были готовы на любые жертвы ради такой цели. Они были уверены, что такая деятельность не может быть в полсилы, она требует полной отданности. Их девиз совпадал с девизом Николаса фон дер Флуэ, которого канонизировали в Риме в 1946 году. Его слова "Свобода даром не дается" нашли отражение в речи Бухмана, произнесенной 4 июня 1947 года в Ко, она называлась "Добрая дорога".

У Бухмана не было иллюзий. Он видел наступление темных сил и не боялся прибегать к шоковой терапии для того, чтобы раскрыть глаза европейцам, пребывающим в эйфории от наступившего мира.

Он не боялся повторений, когда это было нужно. Он провозглашал лозунги, которые глубоко проникали в людей. Но он не

мог предотвратить того, что его вдохновенные слова затаскивались почти до неузнаваемости. Если почитать его речи, то невозможно не почувствовать тот огонь, который горел в его сердце.

Все, кто приезжал в Ко просто посмотреть, были захвачены ураганной силой Духа, царящего там. В Ко, как нигде, становилось ясно, что можно самому творить историю, если ты не стоишь в стороне, как праздный наблюдатель. Тот, кто вдохновлялся подобно Фрэнку Бухману, был готов буквально отдать всю свою жизнь ради преобразования мира. Люди, встречающиеся в Ко, творили чудеса; они совсем не были фанатиками, напротив, довольно часто это были люди, занимающие ответственные посты, им нужно было только придать мужество и вдохновение для созидательной деятельности. Они не проводили помногу времени в Ко, они лишь получали там необходимый заряд.

То, как удивительно все сошлось в Горном Доме, было просто чудом. Там царили хороший вкус и дух гостеприимства, это дополнялось удивительным пейзажем, на котором отдыхали; замечательны были цветочные композиции, вкусно приготовленная еда, различные встречи, разнообразные по содержанию, музыка в исполнении интернационального хора в ярких национальных костюмах, пьесы в театре Дома по вечерам — все это для того, чтобы усилить и обогатить впечатление, которое человек получал на конференции. Удивительно, как все проходило гладко и слаженно, хотя временами там собиралось до тысячи человек гостей одновременно. Все хозяйственные работы выполнялись добровольно и сообща. Тот эффект, который произвела работа в Ко на мир Европы, было самым большим чудом.

СОЕДИНЕНИЕ ИНТИМНОГО И ГЛОБАЛЬНОГО

Габриэль Марсель, французский философ, назвал соединение интимного и глобального главным секретом успеха Ко. В 1915 году Бухман призывал своих друзей мыслить в масштабах континентов и заботиться о континентах. Когда в 1946 году его приветствовали на открытии Горного Дома, он, узнав о том, какие национальности представлены на конференции, спросил: "А где же немцы?"

Ему удалось добиться через сотрудничество с генералами, командующими оккупационными войсками американской и британской зон в Германии, возможности приезда в Ко многих ведущих деятелей Германии, в том числе и Конрада Аденауэра. Когда они приехали туда, Ганс Беклер, председатель вновь созданных профсоюзов Германии, заявил: "Когда меняются люди, меняется струк-

тура человеческого общества. И то, и другое необходимо. Цели движения Морального Перевооружения те же, ради которых я сражаюсь как профсоюзный лидер".

В Ко немцы впервые после войны почувствовали себя включенными в единую семью народов. Их приветствовал французский хор, который пел специально для них по-немецки "Es muss alles anders werden" (Все должно стать другим). Это было начало наведения мостов между Францией и Германией, во многом благодаря усилиям мадам Ирэн Лор, лидеру социалистического движения женщин Франции, известной участницы французского Сопротивления, а также благодаря взаимодействиям, которые Бухману удалось наладить между Конрадом Аденауэром и Робером Шуманом.

В разных странах мира миротворческая деятельность Бухмана приносила существенные результаты, имеющие важные последствия для сотен тысяч людей — в Тунисе, Марокко, Нигерии, Камеруне, Конго (теперь Заир), в Индии, на Кипре, в Японии, Бразилии, Кении.

Ко и Мэкинау были центрами, из которых расходился дух, шедший от Фрэнка Бухмана, достигая самых отдаленных уголков земли. И хотя он твердо верил в то, что решает Бог, а не человек, он прекрасно знал и другое — "Царствие Небесное силою берется". Это благодаря его свойству ставить перед человеком самые высокие задачи, к нему тянулись люди определенного толка со всего мира — государственные мужи, промышленники, профсоюзные лидеры, люди искусства, рабочие, домохозяйки, студенты — все те, кто знал, что "свобода не дается даром".

И что самое поразительное, все происходящее проистекало не из его прямой активности, а из способности освободить пространство, чтобы могло свершиться самое непредсказуемое! Он чувствовал себя совершенно свободно в мире чуда. Он называл это "нормальной жизнью". Для него не было жесткой границы между обыденным и сверхъобыденным. Подлинным чудом было то, что человек открывался Богу, претворяя все обыденное в чудесное.

Самое удивительное событие в послевоенные годы было примирение двух заклятых врагов, Франции и Германии. Исцеление началось с деятельности Ирэн Лор и подобных ей людей. Затем инициатива перешла к Роберу Шуману. В начале 1948 года Шуман, будучи в то время премьер-министром Франции, как-то в поезде разговорился с одним промышленником. И тот рассказал ему о результатах встречи одной активистки движения Бухмана с тупоголовым функционером — председателем ассоциации по найму работников текстильной промышленности северной части Франции. Была тогда организована недельная конференция между рабочими

и их работодателями, и это помогло добиться взаимопонимания. Собеседник Шумана сказал: "Это вселяет в меня надежду. Я католик и думаю, что должен позаботиться о судьбе моей страны". Шуман был весьма обеспокоен политической нестабильностью, он искал выход из этой ситуации. Когда он узнал, что за поисками примирения стоял Фрэнк Бухман, то попросил организовать ему срочную встречу с этим человеком. Они познакомились и долго беседовали. Шуман был под большим впечатлением, и когда несколько позднее его попросили написать предисловие к сборнику речей Бухмана, он согласился.

В октябре 1949 года тот же промышленник пригласил своих друзей — Фрэнка Бухмана и Робера Шумана — к себе на обед. Шуман рассказал о своей неудаче, он пытался привлечь своих коллег к организации европейского союза. Повернувшись к Бухману, он сказал: "Мне нужен совет. Многие годы я мечтаю удалиться от политической жизни и засесть за писание мемуаров. У меня нет семьи, нет людей, которые нуждались бы в моей заботе. Я знаю один монастырь, там хорошая библиотека, там очень спокойно, и они готовы принять меня. Что вы посоветуете? Что выбрать?"

Бухман посмотрел ему прямо в глаза и спросил: "Месье Шуман, а что думаете вы должны сделать?" Премьер-министр закрыл лицо руками, а потом сказал, широко улыбаясь: "Вам не нужно было спрашивать меня об этом. Я прекрасно знаю, что должен остаться."

И потом уже совершенно серьезно добавил: "Есть одна вещь, которую я должен сделать. Я родился в Лотарингии, я рос как немец, и до первой мировой войны был немецким гражданином, потом Лотарингию присоединили к Франции, и я стал французским гражданином и служил во французской армии. Я знаю проблемы и особенности обеих стран. И я уже долгое время знаю, что должен сыграть решающую роль в примирении этих двух стран. Я говорил об этом с Гаспери. Он очутился в подобной ситуации — родился в Австрии, служил в австрийской армии, потом стал итальянцем, он понимает обе стороны. Мы оба знаем, что нужно что-то делать, мы обязаны это сделать, и мы именно те люди, которые призваны к этому. Я пока уклоняюсь от этого".

Бухман понимал, что это будет значить. Он сказал тогда Шуману: "Да, вы должны остаться. Это ваше призвание."

На что Шуман ответил: "Есть некоторые затруднения, я не знаю, на кого я мог бы рассчитывать в новой Германии".

Бухман парировал: "У нас в Ко есть надежные люди. Я могу назвать дюжину имен." И он передал Шуману поименный список, включая Аденауэра, Любке, Арнольда, фон Херварта. Доктор Конрад Аденауэр — первый канцлер Западной Германии, Генрих Люб-

ке — будущий президент Западной Германии, Карл Арнольд — президент земли Северный Рейн и Вестфалия, барон фон Херварт — первый послевоенный посол Германии в Лондоне. "На следующей неделе я еду в Германию, постараюсь с ними встретиться", — сказал Шуман.

Аденауэр и Шуман встретились. Весной 1950 года Аденауэр получил секретное послание с проектом европейского соглашения, которое потом получило название План Шумана.

В 1950 году Шуман написал обещанное предисловие к французскому изданию речей Бухмана. В то время он был министром иностранных дел. Он писал: "Что же дало нам движение Морального Перевооружения? Философию жизни, которая претворяется в действие. Это не создание новой морали. Для христианина в качестве морального руководства достаточно евангельского учения, из него он выводит для себя все жизненные принципы человека и гражданина..."

Вопрос не ставится об изменении политики, вопрос ставится об изменении человека. Демократия и ее свободы могут быть спасены только людьми, выступающими от ее имени."

Когда Шуман прибыл в Ко, он так отозвался о речах Бухмана: "У меня было нечто похожее на озарение, когда я читал эту книгу. Мне открылись новые перспективы. Мне приоткрылось значение жизни Бухмана, прошлой и настоящей. Я не анализировал тогда то, чего он добился лично, ту мощную поддержку, которую он получил. Я не могу оценить то вдохновение, которое ему сопутствует в мире. Но теперь я знаю. Что меня больше всего поразило, так это достижения в области международных отношений."

КОМАНДЫ КАК ФОРМИРУЮЩИЕ ЯЧЕЙКИ БУДУЩЕГО

ИСТОРИЯ В РАЗВИТИИ

Наша история развивается в сторону универсализма. Реальность царит на земле, а не в облаках. Ее формирующая сила — новая идея, ее материал — из плоти и крови. Видимое достижение — создание нового типа общества.

Совершенно очевидно, что те, кто не могут решать свои собственные проблемы, не могут решать мировые проблемы. Как любил повторять Бухман: "Вы не сможете сделать хороший омлет из плохих яиц". Изменения человека должны совершаться в глубине его существа. У вас должно быть мужество пройти через очи-

стительный огонь. Бухман видел отклонения человеческой природы, так как всю жизнь руководствовался моральными принципами честности, чистоты, бескорыстия и любви, это были его путеводные звезды. Путеводные звезды служат для того, чтобы не сбиться с правильного пути. Каждый шаг на этом пути — это выбор. И каждый человек делает первый шаг в правильном направлении — это может быть любой честный поступок по отношению к ближнему — возникает цепная реакция, история приводится в движение.

На земном шаре в разных странах живут тысячи людей, молодых и старых, они живут по мирским законам, они исполняют разные работы, ведут себя в духе послушания, бедности и целомудрия, противостоя жадности и вседозволенности современного общества. Их силы приходят из источника, который глубже человеческих возможностей. И тут мы подходим к самой сути происходящего.

"Бухман жил в мире, где много шума и суеты, но его корни были в мире тишины и покоя,— так писал о нем католический деятель и журналист Карл Вик.— И в этом заключался его секрет. Каждый день, рано поутру, он вслушивался в "Тихий голос", чтобы решить, как же ему поступать. Он перенес монастырскую тишину и сосредоточенность в кабинеты министров, в офисы промышленников, на рабочие места. Он сказал однажды: "Мы можем убедиться в удивительной силе тишины. Это водительство станет нашим ежедневным источником всякого творческого действия. В этом смысле тишина может стать регулятором жизни людей и наций. Ибо знаки водительства проступают лишь в тишине"."

Водительство Бухмана было импульсом к изменению, реальное изменение было видимым результатом такого водительства. И когда внутреннее движение души совпадает с внешней активностью, история приходит в движение.

Мы можем рассматривать духовное развитие с разных точек зрения, но всегда неизменно важным будет готовность человека к глубинным и поверхностным изменениям во имя духовного развития. Человек может начать этот процесс и вне веры в Бога, но если он будет следовать четырем абсолютным принципам, то рано или поздно он подойдет к такому рубежу, когда он не сможет больше опираться лишь на свою силу, и если позволит Высшей силе позаботиться о себе, ему откроется мир без границ.

Бухман, образно говоря, держал руку на пульсе там, где невидимые силы материализовались в конкретные поступки и внешние действия в той точке, в которой Бог становится реальностью и входит в жизнь человека.

Гений Фрэнка Бухмана, его пророческий дар для современности заключается в том, что он создал определенный язык—

действие. Люди развиваются посредством общения, при помощи языка. Наши времена — времена гораздо большей открытости, чем прежде. Люди учатся говорить друг с другом откровенно, так, чтобы разрешались внутренние и внешние конфликты. Совершенно удивительное значение языка заключается в том, что слово означает действие, и это подтверждают современные исследователи. Это тот самый процесс, который начался в Боге: "В начале было Слово, и слово было у Бога, и Слово было Бог".

Итак, язык приобретает свое истинное значение — это диалог между Богом и человеком, диалог между человеком и его ближним. Чтобы слышать другого, нужно уметь находиться в состоянии тишины. Тишина — это главная тайна языка.

В таком значении тишина — это весьма определенное состояние, которое требует отрешения от своих эгоистических устремлений и желаний — "Не Моя воля, но Твоя воля да будет". А это означает Крестный путь.

Это не сверхчеловеческое требование. Напротив, это то, что делает человека человеком, то, что передается от человека к человеку, созидая новый мировой порядок. И в основе этого развития — преданное этому делу меньшинство, "команда".

ФРЭНК БУХМАН И ЕГО КОМАНДА

В центре внимания Фрэнка Бухмана была его команда, люди на разных континентах, которые посвятили свою жизнь, подобно ему, целиком Богу ради переустройства мира. Его основной заботой было поддержание единства этих людей и воспитание в каждом его высшего достоинства.

"Я хочу, чтобы мои охотничьи псы преследовали свою добычу всей сворой, а не каждый по отдельности". И когда он думал о том, что будет после его смерти, его больше всего заботило состояние его команды. "Когда меня не станет, помните о том, что сохранить команду можно только, если действовать бескорыстно. Меня тревожит то, что некоторые из вас не готовы сохранять единство в команде, которое могло бы стать образцом единства в мире."

"Когда мое служение подойдет к концу, не забывайте о том, что все, что вы делаете, отзовется в жизни". "Посвятите всю свою активность Христу, хотя это и не означает, что вы постоянно будете говорить о Христе". Для Бухмана существовал лишь один критерий: если человек оказывался способен к изменению самого себя, он мог побуждать к изменению и других, только тогда он может претендовать на лидерство.

Однажды профессор Стритер попросил у Бухмана совета по поводу своей будущей встречи с профессорами Скандинавии. У него было множество тем для академической дискуссии, и он не знал, на какой из них ему остановиться. И тогда Бухман сказал ему следующее: "Подлинной новостью для ваших профессоров будет не академическая дискуссия, а зрелище обновленного профессора — профессора, который знает выход из одиночества, который пользуется доверием молодого поколения, который понимает молодых. В Женеве я встречался с одним профессором, который каждый день отправлялся в аэропорт, чтобы посмотреть на приземляющиеся самолеты. Если бы он научился встречать людей, а не самолеты, жизнь стала бы для него куда интереснее".

Бухман часто говорил, что для того, чтобы создать команду, надо обладать духовным воображением. Однажды один знакомый Бухмана, глядя на некоторых его ревностных последователей, заметил саркастически: "Фрэнк, эти твои лебеди — просто обыкновенные гуси". На что Бухман ответил: "А что бы ты сказал про двенадцать апостолов?"

Своему коллеге, который был весьма недоволен присланным ему молодым человеком, он написал: "Вы должны попробовать отнестись к нему иначе. Мы должны расширять пределы нашего сердца. Мы должны научиться ладить с разными людьми. Как же вы намереваетесь влиять на мир, если не можете повлиять на трудного для вас человека, с которым вместе живете? Не забывайте, что мебель внутренних покоев души можно поменять довольно быстро".

Бухман был весьма терпелив к тем, кто сам хотел измениться, но не к тем, кто лишь спорил с окружающими. В процессе изменения для него важно было, насколько эти изменения далеко заходят. "Важно не только помочь людям решить свои проблемы. Мы этим, конечно, занимаемся — вернее не мы, а Бог через нас. Но должно происходить и нечто большее. Для людей открывается новое измерение в жизни, когда они, вырастая из своих проблем, переключаются на проблемы мировые. И тогда они действительно меняются".

Он мог свободно общаться с очень разными людьми, так как он никогда не стремился к популярности. "Я мог бы стать популярным, мог бы похлопывать людей по плечу, если бы именно это было моей целью. Но реальная помощь людям — это весьма трудная вещь, и это делает нас непопулярными."

Об одном весьма известном теологе он написал следующее: "Он не различает причину заболевания и симптомы ее проявления. Это все потому, что ему очень хочется нравиться, и он находит массу путей для самооправдания".

Бухман был всегда готов признать свои собственные ошибки, исправлять их.

Он писал в июле 1938 года сэру Линдену Мейкэси: "Простите меня за вчерашнее. Я виноват в том, что не позволил вам изложить свои соображения. Увлечшись, я говорил так много, что вы были вынуждены лишь слушать. Простите меня за это."

Но когда дело касалось принципов, Бухман был нелицеприятен. Одной известной принцессе, которая никак не могла принять важное решение, он написал довольно резко: "Вы требуете многого от других и не даете ничего сами. Такое положение вещей делает невозможным для вашей страны то, к чему вы стремитесь. Вашу страну, ваш дом и вашу семью не пощадит революция. Именно так коммунизм и приходит к власти. Это естественное развитие событий при эгоизме людей, подобных вам. Пришло время, чтобы кто-то сказал вам всю правду..."

Он мог себе позволить прямо высказывать подобные вещи — властью, данной ему свыше. "Я не тот человек, который может дать вам прочное основание. Это может только Святой Дух. Если бы все зависело лишь от меня, то это была бы ложная замена, трагическая ситуация ложного развития. Нет иного выхода, как только довериться водительству Святого Духа". И еще: "Устремитесь вперед. Я не питаю ложных надежд. У меня длинный нос и я чую за версту дурной запах. Я бы хотел, чтобы это было не так".

Бухман был предельно осторожным человеком, о чем свидетельствуют его слова, сказанные его молодым друзьям и соратникам в день их большого успеха: "В вашей совместной жизни вы должны руководствоваться строгими моральными принципами. Пусть Божье водительство проникнет в самые затаенные уголки вашей жазни и осветит их. Любить друг друга — это замечательно, но настоящая любовь подразумевает весьма жесткие границы."

Для Бухмана высокие требования в работе подразумевали и заботу о людях. "Я чувствую, что некоторые из вас более сильны в постановке диагноза, нежели в самом лечении. Вместо того, чтобы врачевать людей, вы сплетничаете о них. Надеюсь, что каждый, кто подвизается на поприще служения, будет успешен не только в том, что делает, но и в собственном развитии".

Однажды он пришел в офис со спелым персиком в руках и сказал: "Девушки должны выглядеть как этот персик. Он такой естественный, он не пытается быть чем-то еще. Если бы все американские женщины выглядели подобным образом, они бы освободились от ненужной суеты и напряжения и могли бы слышать тихий голос Бога внутри себя".

Секрет Бухмана заключался в том, что он черпал свою силу в безмолвном диалоге с Богом, который длился всю его жизнь. Он вслушивался в тихий гомос Бога. Когда его спрашивали, в чем заключается отличие между "медитацией" и "временем тишины", он вынимал из кармана карандаш и безмолвно поднимал его вверх. Каждое утро он замирал в ожидании ответа. Он говорил: "В такое утро, как это, что должен делать человек, чтобы изменить мир?"

Не оставалось никакого сомнения — в природе его вдохновения. "Вы не продвинетесь слишком далеко, если выбросите за борт Библию. Без Библии не было бы и Линкольна. Если бы нынешний президент мог бы жить по этим принципам!"

КОМАНДА НА МАРШЕ

Бухман решает отправить четырех молодых людей из Мэкинау для работы в Латинскую Америку. Ошеломленные этим известием, они отправляются к Бухману за подробными инструкциями. Бухман, сидя на кровати, достает две палочки, которые у него хранились, укрепляет их на краю кровати одну напротив другой и говорит: "Найдите две стойки, воткните их в землю, укрепите, натяните веревку между ними и перекиньтесь через нее, как свежестыранное белье, пусть небесный ветер надует вас как паруса. Вот и все".

Через три месяца эти молодые люди вернулись в Мэкинау на специальном самолете, на котором вместе с ними прилетела масса людей — студенты, деятели профсоюзов, их жены, портовые рабочие, генералы, светские люди — представители всех слоев населения. Портовые рабочие, которые имели обыкновение вооружаться ножами и револьверами, когда шли на работу, учились теперь отвечать на внешнее насилие завоеваниями внутренней свободы. Фильм, который они сняли о том, что произошло с ними, под названием "Люди Бразилии", обошел весь мир.

Когда группа датских студентов обратилась к Бухману с просьбой посоветовать, как им изменить внутренний климат в их университете, они получили такое неожиданное руководство из пяти пунктов. Первый — чувство юмора: нельзя менять мир вокруг себя с вытянутым лицом; второй — смирение, опыт исправления своих собственных ошибок; третий — реализм, т.е. не пытаться опередить свой собственный опыт и возможности, стоять обеими ногами на земле; четвертый — правильные перспективы, или умение ставить великие цели; пятый — тишина, т.е. меньше говорить, а больше слушать друг друга.

Бухман часто отправлялся со своей многочисленной командой в ту или иную страну, чтобы пробудить ее ото сна. В 1952 году он по приглашению многих деятелей Азии побывал со своей командой из двухсот человек и пятью пьесами в Шри Ланка, в Индии и Пакистане. Для него это была уже известная территория, но большинство его спутников пережили настоящее потрясение, они впервые столкнулись с такой ужасной нищетой. Они впервые могли наблюдать такую душераздирающую картину — сотни тысяч голодающих на улицах, матери, прижимающие к груди уже мертвых детей.

Бухман всегда отзывался на нужды людей, об этом свидетельствует и его речь—обращение к обеим палатам парламента в Нью Дели: "Люди изголодались по хлебу, миру, по надежде на новое мироустройство. В свете боговдохновенного единства все проблемы будут решены. Протянутые руки получают работу, пустые желудки наполнятся пищей, пустые и беспокойные сердца успокоятся в своих глубинах".

"Чтобы разрешить конфликт, достаточно лишь отдалиться во власть Бога, но свое "да" нужно произнести не столько губами, сколько изменением своей жизни. Это сделает вас естественными и выведет на подлинный уровень реальности. И вам уже не нужно будет притворяться, чтобы выглядеть более мудрыми, чем вы есть, лучшими, чем вы есть на самом деле.

Компромисс рождает путаницу, ясность приходит через освобождение."

В 1955 году в Бандунге состоялась африкано—азиатская конференция. Это было первое официальное объединение неприсоединившихся стран, рождение "Третьего мира". На открытии конференции выступал доктор Фадхил Джамиль, руководитель делегации Ирака, министр иностранных дел, он назвал "Моральное Перевооружение" "самой большой нуждой современного мира". Его поддержали бурными овациями. Он продолжил: "Но невозможно разоружить мир в военном смысле, если не перевооружиться морально". И закончил цитатой из Корана, которую знает каждый мусульманин: "Бог не меняет состояние народа, пока люди этого народа не изменятся".

КОМАНДА В ОПАСНОСТИ

Успешное распространение движения по миру поставило перед Бухманом вопрос о том, каким образом это скажется на внутреннем климате его команды. Как достигать внутренней сосредоточенности, когда все вокруг движется с такой скоростью?

Бухман осознавал опасность, которая таится в успехе: "Мы не должны подменять событиями жертвенный образ жизни". В Австрии в 1957 году, утомленный длительным путешествием, он сказал своей команде: "Если вы собираетесь лидировать в команде, вам нужно научиться мириться с нападками, научиться изобретать новые ходы. Вам нужно уметь создавать ситуации, быть подвижными, знать, когда нужно войти, а когда нет. Это все стратегия. Мне нужно принимать решение. Иногда это неправильное решение. Я иногда делаю ужасно глупые вещи. Но я стараюсь изо всех сил, чтобы люди вокруг меня обрели нечто новое. Искусство заключается в том, чтобы расширить человеку его горизонт, развить возможности команды".

Вскоре после этого, гостя в Новой Зеландии, он вдруг подумал во время полуденного отдыха: "Поторопись, поторопись, поторопись", — и отправился назад, в Европу и в Америку.

Многие главы азиатских стран приглашали его с визитом, он, пользуясь случаем, принимал эти приглашения.

Но что-то неуклонно звало его домой. Он торопился еще и потому, что собирался встретиться со своими ближайшими соратниками со всего мира на Мэкинау, его интуиция подсказывала ему, что его команда, от которой зависел весь успех его дела, находится сейчас в нужде. Он по своему собственному опыту знал, насколько тонкой является грань между внутренней сосредоточенностью и внешней активностью, и как легко нарушить их правильный баланс — порой человек, стремясь завоевать мир, забывает о потребностях собственной души.

В одной из своих ранних записных книжек он написал в 1918 году, столкнувшись с большими трудностями в Китае: "Ты переживаешь свои сорок дней в пустыне. Я дам тебе силы. Совершенствуй свою любовь, изгоняй страх. Реальность сейчас против активности."

Бухман видел, что некоторые вытесняют из жизни свою "первую любовь" бесполезной активностью; отдаваясь обыденному, они пренебрегают сверхобыденным. Для них молитва "Да будет на земле, как на небе" приобретает все больше земную тяжесть, а не небесную невесомость. Некоторые из них все больше напоминают функционеров и в погоне за успехом забывают о конкретных людях, оперируют лишь количествами. В долгих безмолвных раздумьях они учились вновь восстанавливать искусство вслушиваться в тихий голос Божьего водительства. И погребенные сокровища снова увидели свет.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

ДОСТИЖЕНИЯ И НОВЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ

Сфера деятельности общества разрослась до гигантских размеров. В эти годы в нескольких странах были поставлены пьесы, в которых сказались надежды людей на диалог и взаимопонимание наций. Постановка угольщиков Рура "Надежда" вдохновила студентов Японии осуществить свою версию под названием "Тигр". Эстафету приняли студенты университета Сан Маркос в Лиме (Перу); пьеса "Кондор", в свою очередь, пробудила творческие силы во многих странах от Бразилии до Италии. На Мэкинау шла музыкальная постановка против расизма "Совершенный опыт", в которой заглавную роль исполняла прославленная черная звезда Муриэль Смит. Одноименный фильм обошел весь мир.

Покуда развивались все эти события, Бухман из-за плохого самочувствия вынужден был вести более спокойный образ жизни. Три зимы он провел на отдыхе в Таксоне, в Аризоне, где в его распоряжение был предоставлен дом. Это место стало новым центром распространения идей Бухмана. Он тратил много сил на укрепление и развитие каждого члена своей команды. Его первой заботой было расширение их внутреннего горизонта.

Бухман был совершенно уверен в том, что человек должен быть готов положить свою жизнь на спасение нации. В этом для него был смысл Креста. Когда группа японских политиков спросила его, как им повлиять на взаимную ненависть, грозящую разорвать нацию на клочки, он рассказал им о своем опыте многолетней давности, когда он сам нашел исцеление от ненависти у Креста Господнего: "Это может и с вами произойти, даже сегодня утром. Это проникает так глубоко, что вы уже не сможете никогда быть прежними. Вы устремитесь вперед, как новые люди. Так случилось со мной, хотя я и не предполагал, что все произойдет именно так. Главное, не остановиться. Вы должны суметь увлечь японских лидеров на правильный путь. Это ваша миссия. Вы хотите спасти свою нацию? Тогда вам нужно забыть о себе и действовать."

Бухман был убежден в том, что после него его работу возглавит группа его последователей, но добиться этого будет не так просто. Еще в начале сороковых годов он говорил своим ближайшим соратникам: "Чтобы переделать мир, усилий одного человека недостаточно, нужна группа. Это моя последняя воля, мое завещание — и это ваше наследство".

В последний раз покидая Мэкинау, он созвал свою команду и сказал: "Когда-то и я, как и многие из вас, наслаждался, грешил и часто бывал не удовлетворен. И однажды я услышал тихий голос, говорящий мне: "Освободись от всего этого". У меня было довольно хорошее образование, но мне нужно было что-то иное — простое и подлинное. И это случилось. Я почувствовал вяние духа, которое коснулось меня, пронзило меня, и я стал совершенно иным человеком, а тот, прежний, умер. И я почувствовал себя счастливым".

"Теперь то, что касается Павла, этого божьего человека. Он был евреем. Некоторые люди не любят евреев. На это я могу сказать, что мой лучший друг — Еврей. Иисус Христос был евреем. Так и Павел. Для него не существует национальных различий в духе. Еврей или не еврей, демократ или коммунист — все зависит от того опыта, который есть у человека. В этом весь секрет. Есть те, кто за Господа, а есть те, кто против. Если вы идете в ногу, вас не удастся захватить. Если вы вверяетесь водительству Божьей воли, вас не должны заботить результаты.

Я думаю, что мы накануне больших перемен, потому что я чувствую себя беспомощным".

В свою последнюю зиму в Таксоне он был как никогда оживленным, несмотря на слабеющее здоровье и ухудшающееся зрение. И хотя он к тому времени передвигался в кресле на колесах, ничто не могло удержать его от поездки в Лос-Анжелес весной 1960 года на встречу с канцлером Аденауэром. Канцлер приветствовал Бухмана такими словами: "Я хочу выразить вам со всем моим чувством, как высоко я ценю вашу работу по моральному перевооружению. Это существенно важно для всего нашего мира".

Покидая Таксон в апреле 1960 года для своего последнего путешествия по Европе, он сказал своим близким: "Нам нужно обновление, нам нужно достигнуть подлинности. Пусть Божья благодать почит на нас, благословит нас на постоянное обновление для достижения подлинности. Мы проникаем в сферы, где мы раньше не работали. Все должно измениться. Народы должны измениться".

Бухман должен был провести следующий год в Европе. И хотя он был частично парализован, он посетил Лондон, Париж, Сен-Гален, Милан, Рим. Но главное было — Ко. Названия трех речей, произнесенных в последние месяцы его жизни, отражают то, о чем он постоянно думал: "Все преграды должны быть повержены" (пасхальное послание в апреле 1961 года), "Твердое основание или зыбучий песок" (май 1961 года), "Мужественные люди выбирают" (по случаю своей 83-й годовщины и открытия Международной Ассамблеи в Ко 4 июня 1961 года).

Заключительная фраза его последней речи была такова: "Абсолютные моральные принципы сегодня не являются руководством одной только личной жизни. Это условия для выживания народов. Если люди отдают место, в котором должен жить только Бог, другим людям, то возникает рабство. Люди должны избрать водительство Божье, или они обрекают себя на руководство тиранами."

"В борьбе между добром и злом нет нейтралитета. Ни один народ не спасется недорогой ценой. Цвет нации, лучшие жизни должны быть отданы ради спасения народов. Если мы за Бога, мы победим."

ПОЧЕМУ БЫ НЕ ПОЗВОЛИТЬ БОГУ УПРАВЛЯТЬ ВСЕМ МИРОМ?

В конце июля, когда Международная Ассамблея была в полном разгаре, Фрэнк Бухман решил на время отойти от дел, чтобы посетить свои любимые места — Фройденштат в Шварцвальде. Никто и не подозревал, что место, где он впервые подумал о моральном перевооружении, станет его последним пристанищем на этой земле.

В те дни, как-то рано поутру, он продиктовал такие мысли: "Здесь твое место. Тут я тебе впервые показал картину человеческих нужд."

Позднее он сам записал: "Здесь Бог впервые заговорил с тобой о Моральном Перевооружении. Здесь ты закончишь свою жизнь и умрешь".

В следующее воскресенье он испытал приступ острой грудной боли. У доктора не было сомнений в том, что положение очень опасное. В понедельник утром, превозмогая боль, Бухман пытался с некоторыми перерывами диктовать свои последние мысли. Это было в его духе, даже на пороге смерти он использовал любую возможность послать своим друзьям свой прощальный привет и последние наставления:

"Я хотел бы увидеть, как Британией управляет человек, послушный Божьей воле. Я хотел бы увидеть, как миром управляют люди, послушные Богу. Почему бы не позволить Богу управлять всем миром?"

Свою последнюю волю он записал так: "Я бы хотел оставить каждому серебро и золото, но мои ресурсы весьма ограничены. И я завещаю все, что имею, Моральному Перевооружению — движимое и недвижимое, мое достояние, свободное от долгов и налогов с последующим имущественным правом распоряжаться

всем этим. Многих бы я хотел включить в это завещание, мне хотелось, чтобы все почувствовали себя причастными этому бесценному дару, который был послан через Оксфордскую группу и Моральное Перевооружение. Чтобы лучше всего сохранить этот дар, надо и в будущем находить пути выхода из мирового кризиса, которые в конечном счете приведут народы к золотому веку, о чем люди в разные времена так много мечтали. Но проходит этот путь — через Крест Господень, дающий силу, преображающую мир. Это и будет величайшая революция всех времен."

ЭПИЛОГ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Автор Пьер Шперри

Мой отец в свое время попросил меня написать эпилог к первому изданию его книги, это было в 1971 году. Он был бы более чем счастлив, когда бы узнал, что русское издание этой книги продолжило ряд других иностранных изданий. Когда книга только вышла, трудно было даже предположить, по известным причинам, что она когда-либо будет издана на русском языке.

Мой отец попросил меня написать эпилог к своей книге потому, что как историк он знал, что будущее любого духовного или революционного движения зависит от второго и третьего поколений. Всегда встает такой вопрос: "Актуально ли сейчас то, что вдохновляло тех, кто стоял у истоков? По-прежнему ли верны последующие поколения руководителей движения идеям основателя, по-прежнему ли удастся сохранять динамичную пластичность революционного организма и не скатываться к созданию иерархии и институтов?"

Когда я и мои друзья впервые встретились с Фрэнком Бухманом, мы были студентами, нам было по двадцать с небольшим. Ему тогда было шестьдесят пять. Но несмотря на разницу в почти пятьдесят лет, мы никогда не ощущали возрастной пропасти между нами. Казалось, Бухмана интересовали все новейшие открытия и достижения даже больше, чем нас. Он всегда старался найти новые пути и часто опережал идеи своего времени. Он любил повторять: "Бог — это самое современное из всего, что есть. Мы должны бежать изо всех сил, чтобы поспеть за Ним."

Мы тогда не понимали, что Бухман предвидел все, о чем начали говорить намного позднее. Когда мы работали вместе с ним, мы конечно понимали, что его идеи по-революционному необычны, но он всегда говорил о главном так просто и ясно, что только гораздо позднее мы начали осознать, что в его образе жизни было гораздо больше революционного взрыва, чем мы себе это представляли. Поскольку он не считал себя ни философом, ни писателем, ни социологом, ему никогда не приходила в голову мысль о необходимости проанализировать свой опыт и создать из него революционную доктрину. Для него было гораздо важнее поставить ближнего в ситуацию выбора возможности полной отданности Богу, чем логически доказывать целесообразность своих идей.

Очень многие сегодняшние установления и идеи выросли из оригинальных импульсов Бухмана, не столько из его буквальных слов, сколько из того, как конкретные люди воплощали их в своей

жизни. В то время, когда еще не существовало таких широко распространенных сегодня понятий, как "разрешение конфликта", "исцеление ран истории", — в таких местах, как Ко, это все уже было предметом практики, хотя никого в мире еще и не заботило.

Еще одним революционным аспектом деятельности Бухмана была его идея о значении лидерства во всех сферах современной жизни людей. Он ясно видел необходимость создания правильного равновесия между областью внутренней и внешней власти. Всю свою жизнь он старался вдохновлять людей брать на себя ответственность без всякой гарантии своей внешней защищенности. Он противопоставлял идее организации идею организма. Для него организация означала иерархию, директоров, офисы, бюрократию, комитеты. Организм, напротив, состоял из органичного взаимодействия, творческого роста, естественности, инициативы людей из плоти и крови.

Он бы предпочел, чтобы в его деятельности не было никакой организационной структуры, но поскольку он был трезвым реалистом, то понимал, что определенный минимум структурирования неизбежен. Но у этих структур должны быть четко ограниченные функции. Когда дело касалось духовного лидерства, то тут для него был один единственный критерий — лидерство определяется духовным содержанием жизни человека; звучит очень просто, но на практике трудно достижимо. Он имел ввиду то, что любой человек, даже если он только с сегодняшнего дня решил верить свою жизнь Божьему водительству, обладает свободой для принятия решений в той же степени, что и человек, проработавший долгие годы.

Для Бухмана это не было способом достижения комфортного взаимодействия с различными людьми. На примере своей команды он видел возможность внедрения такого типа взаимодействия в различные сферы жизни, например в государственной и промышленной деятельности. Он пытался выработать в своей команде то, что было установлено и записано на бумаге, но часто не исполнялось на практике, в таких организациях, как Лига Наций и ООН.

Для человека со стороны было очень трудно разобраться, оказавшись в группе Бухмана, кто же здесь наделен какой властью. Однажды одна дама — высокое официальное лицо из Западной Европы — поинтересовалась, кто из присутствующих является "главным идеологом" в группе, и когда ей ответили, что такой "должности" не существует, она весьма изумилась: "Вы хотите сказать, что это коллективный способ лидерства — всех рас, всех возрастов, мужчин и женщин в одинаковой степени?" Существование

такого рода групповой работы для нее до сих пор не представлялось возможным.

Это был призыв для каждого из нас — исполнить свою особую роль в строительстве нового открытого сообщества, это была возможность для нас, студентов послевоенного поколения, вырваться из буржуазного ритма жизни. Бухман пробудил в нас чувство собственной судьбы, чувство принадлежности к общей истории, в которой у каждого есть своя роль. Но для тех, кто принадлежит уже последующим поколениям, важно произвести поправку на время в идеях основателя движения. После его смерти они не должны постоянно задаваться вопросом, что бы сделал он на их месте. Они должны искать ответы в самих себе, в своем видении ситуации.

Три направления, основанные Бухманом, остаются до сих пор актуальными, их актуальность даже выросла по сравнению с годами его жизни:

— В послевоенный период приоритетом являлось примирение Германии и Франции; теперь в примирении и исцелении от ран истории нуждаются и остальные страны нашего и других континентов.

— Бухман никогда не умалял свою любовь ко Христу, но Он испытывал также и большое уважение к другим религиозным традициям. Сегодня, если вдруг разразится мировой конфликт, похоже, он будет продолжать столкновения различных культурных и религиозных направлений. Поэтому личные встречи и контакты людей, которые происходят в Ко и других центрах, сегодня важны как никогда.

— Становится очевидным, что как в бывших коммунистических странах, так и в чуть меньшей степени на христианском Западе, в странах с различной религиозной культурой прослеживается одна и та же тенденция — без духовных оснований у демократии очень мало шансов на выживание. Но где же те, кто добросовестно и с полной отдачей трудятся над созданием этих духовных оснований? Это остается ключевым вопросом.

Для поколения, которое встречалось с Бухманом в последние годы его жизни и для тех, кто его никогда не видел, этот великий американец оставил весьма динамичное наследство. Это наследство не для отдыха или ради собственной славы, это то, что может придать смысл деятельности еще многим последующим поколениям.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Теофил Шперри (1890—1974) изучал педагогику и литературу в университетах Цюриха, Берна, Парижа и Сиены. В возрасте 32 лет он был назначен профессором французской и итальянской литературы в Цюрихском университете. Эту должность он имел честь занимать тридцать четыре года вплоть до своей отставки. С 1948 по 1950 год он был ректором университета.

Его книги о Паскале и Данте получили европейскую известность. За его исследования о Данте он получил золотую медаль города Флоренции и титул "Commendatore" от итальянского правительства.

Профессор Шперри познакомился с Фрэнком Бухманом в 1932 году и проработал с ним до конца своих дней. После своей отставки он посвятил все свое время сотрудничеству с Фрэнком Бухманом. Он написал биографию Бухмана, а затем пять раз ее переделывал, ему хотелось как можно точнее описать этого "необыкновенного и обычного человека", который сделал так много и был так противоречив, чтобы поместиться в одну сравнительно небольшую книгу.

Исследование профессора Шперри, первое, осуществленное ученым—филологом с международным именем, у которого была возможность за долгие годы сотрудничества очень близко познакомиться с Фрэнком Бухманом, будет полезным для тех, кого интересует духовное послание Бухмана о "Динамике, рожденной в тишине".